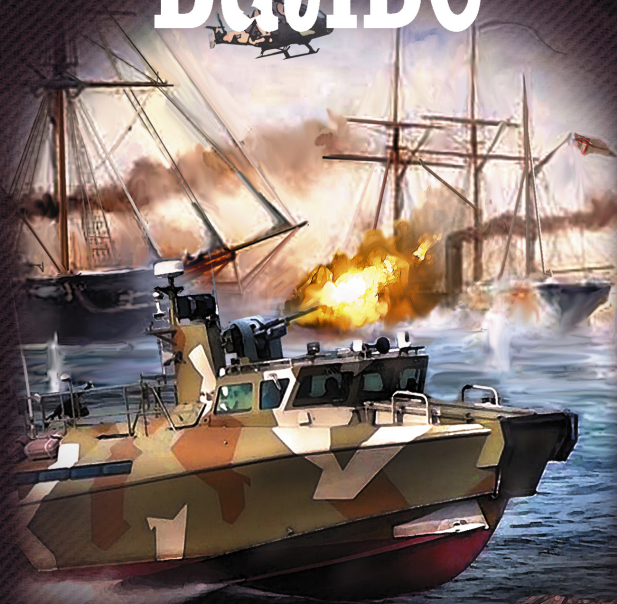

Александр Харников

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ВАЛЪС

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Александр Петрович Харников
Максим Дынин
Севастопольский вальс
Серия «Военная фантастика (АСТ)»
Серия «Русские своих
не бросают», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31504702

Русские своих не бросают: Севастопольский вальс: роман / Александр Харников; Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-107451-7

Аннотация

В августе 1854 года в Балтийском море появился англо-французский флот с десантом на борту и атаковал русскую крепость Бомарзунд на Аландских островах. Тогда же в охваченную войной Балтику непонятно как угодили несколько боевых кораблей Российской Федерации. Русские моряки пришли на помощь своим предкам. Враг потерпел полное поражение.

Но смертельная опасность грозила Севастополю – главной базе русского Черноморского флота. Надо было выручать его,

и в Крым направились те, кто перед этим разгромил англо-французские силы на Балтике. Основные боевые действия должны развернуться в Крыму, который был и будет всегда русским.

Содержание

Пролог	6
Часть I	13
Часть 2	106
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Александр Харников

Русские своих не бросают:

Севастопольский вальс

© Александр Харников, 2018

© Максим Дынин, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Авторы благодарят за помощь и поддержку
Олега Васильевича Ильина*

Пролог

12 (24) августа 1854 года. Санкт-Петербург. Казанский собор Юрий Иванович Черников, глава медиахолдинга «Голос эскадры»

Полумрак Казанского собора чуть смягчал свет тысяч свечей. На Царском месте стоял император Николай с императрицей и детьми в окружении свиты, а также особо отличившихся в боях на Балтике военачальников. Остальное пространство заполняли наши моряки, морпехи и курсанты с учебного корабля «Смольный», вельможи и иностранцы, в основном дипломаты.

А в нефе храма, ближе к выходу, стояли военнослужащие русской армии и флота. Считалось, что собор вмещал около семи тысяч человек – похоже, что сейчас присутствовало именно такое количество.

Кстати, чуть не забыл представиться – Юрий Иванович Черников, глава медиахолдинга «Голос эскадры», родившийся более чем сто десять лет тому вперед... Я не ошибся – именно вперед. Мы прибыли из 2015 года, в коем я был корреспондентом телеканала «Звезда» и освещал поход в Венецуэлу небольшой эскадры, которая должна была доставить образцы вооружения для наших друзей из Боливарианской Республики. Но неожиданно наша эскадра, учебный корабль «Смольный» и еще несколько кораблей попали в август 1854

года. Мы смогли полностью разгромить англо-французский флот адмирала Непира и французский экспедиционный корпус у крепости Бомарзунд на Аландах. Сегодняшний молебен – в честь нашей победы, после чего последует панихида в память тех, кто погиб при обороне Бомарзундских укреплений.

В прошлое также попали две съемочные группы двух разных каналов. И мы с Колей Домбровским, который возглавлял группу от РТ, решили объединить усилия, обозвав совместное детище медиахолдингом «Голос эскадры». На молебне мы решили ограничиться четырьмя камкордерами: Коля – у торца бронзовой ограды в середине храма, я – слева у ограды, напротив Царского места, Маша Широкина – у ограды перед солеей, и Лиза Бирюкова – у входа в собор...

На амвон поднялся седобородый архиерей – владыка Никанор, митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Финляндский и Эстляндский. С ним я познакомился еще вчера.

Все началось с того, что я спросил у одного священника разрешения на съемку во время молебна. Пришлось ему разъяснить, что это что-то вроде дагерротипа, после чего батюшка нахмурился и сказал, что съемку не разрешит. Более того, он даже отказался спросить разрешения у кого-либо из вышестоящих иереев.

При выходе из собора меня окликнули. Обернувшись, я увидел императора в сопровождении небольшой свиты, по-

дошел и поклонился.

– Ну что, Юрий Иванович, вы запечатлеете завтрашний молебен для потомков? – с улыбкой поинтересовался Николай.

– Рад бы, ваше императорское величество, да только вот благословения не дают, – я развел руками.

– А ну, давайте пойдем поговорим! – сказал император. – Я как раз собрался к владыке Никанору, он в соборе, готовится к завтрашнему дню. У него все должно пройти без единого изъяна – такой он беспокойный человек.

Митрополит оказался человеком пожилым, но все еще стройным и подтянутым. Его облачение было безупречным, а клобук ослепительно-белым. Я подошел к нему под благословение, после чего Николай меня представил. Но когда император попросил его о разрешении на съемку, тот, подумав, произнес:

– Ваше императорское величество, я не могу противиться вашей воле. Но эти дагерротипы – вещь богомерзкая. Ведь рассказывают, что некоторые делают изображения обнаженных женщин...

Как я слышал, император коллекционировал непристойные картинки, так что вряд ли подобные слова его могли шокировать. Но он безошибочно выбрал правильную тактику, сказав:

– Владыко, посмотрите на то, что господин Черников и его люди сделали, чтобы показать людям нашу славную вик-

торию на Балтике.

И я прокрутил вторую версию созданного нами фильма – ту, где были лишь батальные сцены. Когда владыка увидел ноут и тем более ролик, я сначала подумал, что его вот-вот хватит удар. Но потихоньку лицо его разгладилось, и он припал к экрану. А когда я показал кусочек фильма про пасхальную службу в храме Христа Спасителя из наших дней, тот совсем успокоился и спросил:

– Господин Черников, а где это все происходит?

– Это храм Христа Спасителя, владыко, в... (я чуть было не брякнул, что он находится в Москве, но вспомнил вовремя, что храм на тот момент был хотя и построен, но не отделан). ...У меня на родине.

– Господин Черников, если ваши движущиеся картинки будут столь же благолепны, как эти, то я благословляю вас! Думаю, что сие есть богоугодное дело.

И вот теперь мы с Колей по разные стороны ограды, с камерами. Для него это «дембельский аккорд» – завтра с утра он отбывает в Свеаборг. Оттуда ему предстоит «дальняя дорога и большие хлопоты»...

Эх, все-таки балбес этот Коля, точнее, Николас Домбровский. Захотел, видите ли, смотаться в Крым. Я пытался его отговорить, да какое там! Он лишь отмахивается, дескать – стрелять умею и даже пару раз «в охоту» ходил. Тоже мне, балбэс нэрусская из анекдота.

Пришлось ему объяснить, что правильно говорить «на

охоту», а потом еще – что такое работа снайпера. И что глупая смерть – дело нехитрое. Но Ник уперся, как ишак – мол, хочу, и все. А нам нужен военный корреспондент. Ведь какую только ахинею ни пишут здешние борзописцы, находящиеся на расстоянии сотен верст от поля боя. Наши же материалы, снабженные к тому же фотографиями, пойдут тут на ура.

Вспомнил я, как сам когда-то поступал в Институт телевидения на факультет журналистики. И у меня тоже в одном месте засвербело – хочу в армию, и все. Двух лет афганской «романтики» хватило выше крыши. Потом, правда, я ухитрился поступить в МГУ на журфак, и должен признаться, что армейский опыт оказался совсем не лишним. А у Коли будет возможность совершенствоваться «без отрыва от производства». Так что ладно, пусть идет, а я ему попробую помочь – хотя бы советом.

Вот же странно – кажется, витал в облаках, а как только протодиакон возгласил «Благослови, владыко!», и я начал снимать происходящее. Вообще-то я пытаюсь ходить в храм как можно чаще.

Должен сказать, что этим я обязан маме и жене – мама подарила мне крестик, когда я уходил в армию, и она же привела меня в храм, когда я оттуда вернулся и уже не столь враждебно взирал на «попов». А будущая супруга регулярно ходила на службы, и я потихоньку начал ее сопровождать, а потом и сам втянулся.

Эх, вряд ли я кого-нибудь из них еще увижу... Помози им, Господи, и призри за ними! Спаси, Господи, за то, что хоть сын Юра здесь, со мной... Да и Коля мне за это время тоже стал почти что сыном.

И вдруг меня словно током ударило – ведь они оба отбывают на самую настоящую войну. Храни, Господи, воинов Твоих Георгия и Николая...

Тем временем я исправно снимал императорскую семью и их окружение, а также присутствующих. И лишь отдельные моменты врезались в память, особенно молитва Богородице:

«Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшися от злых, благодарственная восписуем Ти, раби Твои, Богородице, но, яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: радуйся, Невесто Неневестная».

Вот закончился молебен, и началась заупокойная служба по погибшим воинам. Мне вспомнились мои друзья, с кем я когда-то делил тяготы службы, и которые ныне – точнее, в моем прошлом, а теперь в будущем – покоятся в цинковых гробах по всему бывшему Союзу, от Ужгорода до Находки, от Норильска до Ашхабада...

Митрополит провозгласил: «И пошли им вечную память...», и я возблагодарил Господа, что в этом мире есть хотя бы один человек, который их помнит.

Потом я поставил свечу у Голгофы, встал на колени и помолился о них еще раз – ведь среди моих погибших друзей были не только православные, но и мусульмане, и буддисты,

и даже Фима Рабинович – одесский еврей, когда-то спасший мне жизнь, а потом, полгода спустя, умерший у меня на руках, смертельно раненный шальной пулей. А о иноверцах записки подавать, увы, нельзя, можно лишь молиться келейно.

Я взял свечку и поставил ее у иконы Казанской Божьей Матери, той самой, которой когда-то молился Николай Резанов перед своим путешествием на «Юноне» и «Авось». Только я просил Пречистую Деву, чтобы она хранила моего сына и всех тех, кому в ближайшее время предстоит сражаться в Крыму. Там нет нашей эскадры, и многие могут упокоиться на солдатских кладбищах Крыма и Одессы – может, там же, где через много-много лет похоронили и Фиму...

Часть I

ДАН ПРИКАЗ ЕМУ НА ЗАПАД...

*10 (22) августа 1854 года. Борт учебного корабля
«Смольный» Елизавета Тарасовна Бирюкова, сотрудник ме-
диахолдинга «Голос эскадры»*

Меня разбудила мелодия моего любимого певца:

Ты прости меня, родная,
Что творю я – сам не знаю,
Просто очень плохо без тебя.

Конечно, раньше в качестве рингтона я ставила «Разом нас багато» Гринджолов, или «Колы тэбэ нэма» «Океана Эльзы». Но, увы, и то, и другое мне на самом деле не нравилось, хоть и исполнялось на «правильной мове». В конце концов, я не выдержала и поставила себе Стаса Михайлова – хоть он и триста раз кацап, но все равно это лучше, чем музыка моих свидомых братьев и сестер.

Позавчера мне установили какой-то апп, с помощью которого можно было созваниваться и в этом примитивном мире, если вы в одной беспроводной сети. Вот как сейчас. Лучше бы не ставили, блин!

– Лиза, ты все еще дрыхнешь?

Я узнала голос Вали Иванова.

– Валя, противный, – мне ужасно хотелось спать, – ты что, не можешь дать девушке чуток поваляться в постели? Мой катер уходит только в четыре часа... Ты и сам знаешь, почему я так поздно легла.

Тот хихикнул. Если честно, то он большую часть ночи провел в моей каюте. Все-таки без мужика порой трудно, да и Валю надо «подкармливать» – он может еще пригодиться. Только вот будить меня в такое время – верх наглости.

– Лиза, протри глаза – уже за полдень, скоро обед закончится, да и новости есть.

– Какие? – я поняла, что этот лох что-то пронюхал. От любопытства у меня даже сон прошел.

– Приходи в камбуз, я тебе расскажу, – голос у Валентина стал игривый. – А потом, может, продолжим то, чего не успели ночью?

Даже я знаю, что камбуз – это кухня, а не столовая, но чего я буду его поправлять... А насчет «продолжим» – я сладко потянулась, но решила не баловать его, пусть посидит на голодном пайке.

– Хорошо, буду через полчаса, лады?

– Лады, только ты долго не копайся. Я возьму тебе жратвы, если будешь опаздывать. – Настроение у Валентина испортилось – он явно не ожидал, что я неотреагирую на намек на кувыркания после обеда.

Но я успела помыться, собраться и накраситься всего за двадцать пять минут, как, сама не знаю. Валя сидел за нашим

столом, у иллюминатора, и допивал чай.

– Ну, выкладывай, гад, что случилось?

– А будешь ругаться, вообще никуда не поползу, – усмехнулся он.

– Валь, не томи.

– Ладно... Так вот – ты, наверное, слышала, что какой-то поляк ухитрился уничтожить яхту с твоей любимой дурочкой, так что выжили только она, ее брат и этот... Мальборо, не Мальборо... Точно, Черчилль!

– Да, я этого поляка даже видела. Домбровский. Родственник нашего пиндосского жлоба, – я насторожилась, – похоже, что Валька накопал что-то действительно интересное.

– А то, что всем военнопленным офицерам оставили холодное оружие, ты слыхала? Тут так принято.

«Все чудесатее и чудесатее», – подумала я.

А Валя продолжал:

– Вчера ночью, пока этот Домбровский сладко дрых и видел во сне «Польшу, яка ешче не згинела», три инглиза нанесли ему дружеский визит и чуток порезали его кортиками. Трех поймали, а остальных разоружили и разделили по национальному признаку. Англичан решили загнать куда-то в провинцию, французов тоже, но уже завтра. Всех, кроме двух-трех высших офицеров – этих пока держат в Свеаборге, под охраной. А этого долбодятла Домбровского доставили сюда вертолетом – ведь здесь, видите ли, лучшие врачи. Лучшие, не лучшие, но операцию ему сделали, и жить он бу-

дет, хотя смеяться – вряд ли...

– А с теми тремя англичанами что сделали? – я под села поближе к Валентину и погладила его по щеке.

– Слышал я краем уха, что один из них – родственник погибшего на «Гербе Мальборо» Джимми Худа, а двое других – его дружки. Все, блин, из высшего дворянства. Они сидят теперь под замком в кандее.

«Ну что ж, – подумала я, – загляну-ка я к этому Домбровскому. Если меня, конечно, к нему пустят. К этой американской дуре не пустили, мол, не положено... Наверное, то же самое скажут и здесь».

Распрощавшись с Вале́й и намекнув ему, что, возможно, загляну к нему на полчаса перед отправкой на материк, я отправилась в медицинский блок. У одной из дверей стоял вахтенный. Незаметно расстегнув пару пуговиц на платье, так, что стал виден лифчик, я подошла к молоденькому матросу-контракtnику и ласково промурлыкала ему:

– Товарищ мичман, я журналист из «Голоса эскадры». Вы не пропустите меня к больному? Хочу задать ему несколько вопросов.

Я, конечно, видела, что он всего лишь старшина 2-й статьи – две желтых лычки на погоне, – но почему бы не польстить чуток?

– Да мне не разрешено... – проблеял он, не отводя взгляда от моего декольте.

– А я ненадолго, – голос у меня стал совсем томным.

– Да он спит, наверное... – нерешительно промямлил этот молокосос.

– А если он спит, то уйду, – я придвинулась к нему так, что едва не снесла его своим бюстом.

– Ну ладно, только на две-три минуты. И если я постучу в дверь, то сразу выходите. – Похоже, что он «поплыл», и если бы я еще немного подвинулась к нему, то он вынес бы мне на руках в коридор этого самого Домбровского.

Щелкнул замок, дверь открылась, и я вошла в каюту. Этот недорезанный Домбровский сопел в две дырочки, так что интервью у меня с ним не получилось бы при всем желании. Я уже собиралась выйти, как мой взгляд упал на лежавшую на столе открытую кожаную сумку, в глубине которой виднелся корешок блокнота.

Я осторожно достала его и быстро пролистала. Удача! В блокноте было несколько адресов, в том числе парижских и питерских. Своим айфоном я сфоткала несколько страниц, после чего сунула блокнот обратно в сумку.

Расстегнув еще одну пуговичку на платье, я покинула каюту. Мальчик все так же пялился на мой бюст и машинально облизывал языком пересохшие губы. Я уже хотела попросить его никому не рассказывать о моем визите, как он сам, оторвавшись от созерцания моих прелестей, попросил:

– Пожалуйста, не говорите никому, что я вас сюда впустил.

– Хорошо, не буду, – улыбнулась я, послала ему воздуш-

ный поцелуй и пошла прочь по палубе, стараясь как можно сексуальней поигрывать задом. За спиной у меня раздался тяжелый вздох...

23 августа 1854 года. Букингемский дворец, Лондон. Александрина Виктория, королева Англии; Джордж Гамильтон-Гордон, лорд Абердин, премьер-министр Британии; баронет сэр Джеймс Грэм, первый лорд Адмиралтейства; Джордж Вильерс, лорд Кларендон, министр иностранных дел

Виктория вцепилась руками в подлокотники кресла. Ей вспомнилась «Жизнь двенадцати цезарей» Светония. Эту книгу ее в детстве заставляли учить строгие воспитатели. Там рассказывалось, что когда императору Августу сообщили про разгром трех легионов в Тевтобургском лесу, тот закричал, обращаясь к погибшему там римскому военачальнику Публию Квинтилию Вару: «Quinctili Vare, legiones redde!»¹ И ей точно так же захотелось крикнуть: «Domine Jacobe, naves redde!»², да еще и вцепиться зубами в горло этого холеного болвана, Джеймса Грэма, пока еще первого лорда Адмиралтейства.

Но тогда же в детстве ее научили, что воспитанные девочки так себя не ведут, даже если они королевы. Вместо этого она произнесла неестественно тихим голосом, четко выговаривая каждое слово:

---

¹ Квинтилий Вар, отдай мне мои легионы!

² Сэр Джеймс (Непир), отдай мне мои корабли!

– Значит, милорды, мы потеряли немалую – и далеко не самую худшую – часть нашего флота, не потопив ни единого русского военного корабля? Полдюжины рыбацких лайб – не в счет!

На стоявших перед ней министров было противно смотреть – впервые она видела их лица жалкими и потерянными. Королева еще раз взглянула им в глаза. Первый едва сдерживался, чтобы не заплакать, второй был бледен, как мертвец, а выражение лица третьего было близко к панике.

«Тоже мне, британские аристократы», – подумала она, но вслух произнесла:

– Еще раз, сэр Джеймс, расскажите мне, что случилось. И поподробнее...

– Ваше величество, ни один наш корабль не вернулся. Сколько именно захвачено, а сколько потоплено, мы еще не успели выяснить. Нам известно лишь, что в Копенгаген сегодня утром пришел единственный корабль, которому удалось удрать от русских. Это французский пароход «La Belle Alsacienne». Он входил в состав эскадры, которая блокировала Кронштадт – главную базу русского флота.

– Милорд, зачем вы мне все это рассказываете – можно подумать, что я этого не знаю?

– Простите, ваше величество. Так вот, они получили через свои каналы информацию о том, что эскадра у Гельсингфорса была уничтожена, равно как и экспедиционный корпус у Бомарзунда. Про эскадру бедняги Непира мы вам уже

докладывали. Как нам сообщили французы, ни один русский военный корабль серьезно не пострадал.

– Милорд, похвально, что вы ставите вашу королеву в известность о ваших поражениях, особенно таких, которые можно назвать полным разгромом. Но Англия ожидает от вас не оправданий, а побед.

– Именно так, ваше величество. – Лицо лорда Грэма пошло красными пятнами. – Но кто же знал, что у русских есть такие корабли? И что они воспользуются запрещенными методами ведения войны?

– Милорды, а разве это не ваша задача – знать все о силах противника? – Виктория обвела взглядом своих министров. – Лорд Кларендон, как мне кажется, это ваша обязанность – узнавать и докладывать о появлении у наших врагов нового оружия?

Вильерс склонил голову и удрученно пробормотал:

– Простите, меня, ваше величество.

Королева Виктория снова гневно взглянула на лорда Грэма:

– Продолжайте, сэр Джеймс.

– Ваше величество, корабли, блокировавшие Кронштадт, той же ночью ушли, но были перехвачены русскими у Ревеля вместе с находившейся там нашей эскадрой. У «La Belle Alsacienne» случилась поломка, поэтому она встала на якорь в шхерах, и русские ее не заметили.

– И какой урон нанесли врагу наши эскадры, блокировав-

шие Ревель и Кронштадт? – язвительно спросила королева.

– По словам французов, обе эскадры просто спустили флаги. Они не сделали ни единого выстрела. Увы, ваше величество, но все было именно так.

Лицо Виктории побагровело от ярости. Она, видимо, хотела что-то сказать, но сдержалась и неожиданно присела за столик, на котором лежал лист бумаги и стояла чернильница с очиненным пером. Виктория взяла перо и начала что-то рисовать на листе бумаге. Лорд Абердин, увидев краем глаза, что именно успела изобразить королева, побледнел еще сильнее. На листе была нарисована виселица – точь-в-точь похожая на ту, которая стояла во дворе Ньюгейтской тюрьмы, а на ней в петле болтались три человеческие фигуры, смахивавшие на него и двух его спутников.

Королева еще пару минут чиркала пером по бумаге, добавляя к своему рисунку разнообразные детали, после чего снова подняла взгляд на испуганных министров:

– Милорды, я хочу, чтобы вы немедленно написали прошения об отставке. Лорд Абердин, пригласите сюда виконта Палмерстона. Потом вы незамедлительно подготовите передачу дел новому премьер-министру в его лице. Как я и обещала, я попрошу его включить вас в свой кабинет в качестве почтового министра. А вам, сэр Джеймс и лорд Кларендон, сообщат после разговора с виконтом, как именно ваши таланты, – последнее слово она произнесла с презрением, – будут использоваться в будущем. Я вас больше не смею задер-

живать.

И три уже бывших министра, низко поклонившись, вышли из кабинета.

11 (23) августа 1854 года. Санкт-Петербург. Зимний дворец. Капитан 1-го ранга Кольцов Дмитрий Николаевич

После той, первой нашей встречи в Свеаборге Николай Павлович почти сразу вернулся на «Давыдове» в Петербург. По его словам, ему хотелось порадовать жителей столицы радостной вестью, что отныне им не угрожает высадка вражеского десанта прямо на гранитные набережные Северной Пальмиры. Насколько я понял, у него было и множество прочих дел – его императорское величество, получив от нас кое-какую информацию, решил ковать железо, пока горячо. Взяв с меня обещание прибыть в Петербург как можно скорее, он отбыл еще позавчера до рассвета.

Да и у меня было множество дел. Все-таки эскадра наша состоит из весьма разномастных кораблей. Например, «Королев», «Бойкий» и «Лена» подчинялись мне еще в будущем. Другие же – отнюдь. «Ульянов» и «Надежда» вообще были гражданскими судами. И кто из них остался у Аландов, кто пришел к Свеаборгу...

Времени было в обрез. Теперь, когда первоочередная задача выполнена, нужно создать из них некое целостное боевое соединение, плюс подготовить к выполнению последующих задач. Некоторые для нас уже понятны – это участие в Крымской кампании. Но о том, как именно они должны

действовать, еще не все продумано. Очень многое зависит от договоренностей с императором, на основании которых мы и примем окончательное решение.

Нужно обязательно разобраться в реалиях этого, еще непривычного для нас, времени. И не только нам, но и тем, с кем нам приходится иметь дело. К примеру, чтобы все наглядно ощутили, с какой грозной силой довелось сразиться Российскому флоту и армии, я посоветовал императору устроить своего рода «дефиле» – провести по главной улице Петербурга – Невскому проспекту – всех пленных, захваченных под Бомарзундом и на кораблях союзной эскадры.

Эта мысль появилась у меня, когда я вспомнил о другом «параде» – прохождении по Москве пленных немцев в 1944 году, после разгрома группы армий «Центр» в Белоруссии. Я подробно рассказал Николаю, как это все выглядело, со всеми подробностями, упомянув даже о поливалках, которые шли позади колонны пленных и смывали грязь с тротуаров.

Царь, представив всю эту картину, усмехнулся и сказал:

– Дмитрий Николаевич, догадываюсь, какие лица будут у дипломатов европейских стран при виде подобного шествия. Но, увы, в наше время отношение к пленным должно быть уважительным. Они ведь и так выставляют нас варварами... По правилам, мы офицерам даже оставим холодное оружие.

– Ваше величество, а можно заставить их работать и восстанавливать все, что они порушили? А насчет варварства, так в Древнем Риме были триумфальные шествия, в кото-

рых демонстрировались захваченные трофеи и пленные. Это считалось делом вполне нормальным.

— Дмитрий Николаевич, сие запрещено правилами ведения войны. А насчет Древнего Рима, так там нормальным считались и гладиаторские бои.

Вот так вот. Англичане и французы грабили рыбаков, топили их лодки, обстреливали мирные города... Я уже не говорю о том, как они вели себя по отношению к ирландцам, а также аборигенам Америки, Австралии и Африка. Это отдельная песня. А мы, видите ли, варвары, даже если всего лишь заставим их работать...

В Питер я решил отправиться на БДК «Королев», который уже стал нашим штабным кораблем. Правда, в Неву его вводить не стоит — Морской канал еще не построен, и рисковать посадкой БДК на мель мне не хотелось. От Кронштадта, неподалеку от которого встанет на якорь «Королев», до Зимнего дворца я смогу добраться на «Рапторе», который пойдет в Кронштадт вместе с БДК. Его осадка вполне для этого достаточна.

И вот я снова оказался в своем родном городе, правда, не в том, ХХI века, а в том, который был гораздо моложе. Я и сопровождавшие меня офицеры и морпехи всю дорогу озирались по сторонам, удивленно рассматривая берега Невы, так не похожие на те, которые мы привыкли видеть. Ощущение такое, словно ты участник массовки на съемках исторического фильма.

Вот мы подошли к Благовещенскому или, как его здесь называли, Николаевскому мосту, с недостроенной на нем часовенкой Николая Чудотворца.

Проскочив мимо полуразобранного деревянного плашкоутного Исаакиевского моста, «Раптор» сбавил скорость и подошел к пристани у Зимнего дворца. Заранее предупрежденные по телеграфу о нашем прибытии, на причале нас уже встречали служители дворцового ведомства. На набережной толпились зеваки, которых с трудом сдерживала цепь полицейских и жандармов.

На ступенях Иорданского подъезда дворца стоял сам император Николай I, а рядом с ним два его старших сына – цесаревич Александр и великий князь Константин Николаевич. Похоже, что царь решил представить меня наследнику и управляющему Морским ведомством, возможно, моим будущим начальникам.

Я с любопытством посмотрел на Константина. Ничего особенного – высокий молодой человек с пышными бакенбардами. То, что мне было известно о нем из нашей истории, вызывало у меня двойственные чувства. С одной стороны, он энергично занимался превращением парусного флота в паровой и броненосный, а с другой – именно он был инициатором продажи Аляски в 1867 году. Надеюсь, что в этой истории ничего подобного не случится.

«Раптор» убавил обороты двигателя и стал медленно приближаться к причалу. Вот он мягко чиркнул бортом по кран-

цам. Матросы на причале ловко поймали брошенные им швартовы и завели их на кнехты. По поданному нам деревянному трапу я сошел на пристань. Император с радостной улыбкой поздоровался со мной.

— Дмитрий Николаевич, голубчик, — воскликнул он, широко разведя руки, словно собираясь меня обнять, — если бы вы знали, как я рад вас видеть. Прошу быть моим гостем.

Мы вошли в хорошо знакомые мне сени и свернули налево. Поднявшись по широкой мраморной лестнице, мы попали в жилую, так называемую «царскую» половину Зимнего дворца. По тому, что Николай направился на третий этаж, я понял, что нас ведут в личный кабинет императора.

Я оказался прав. Мы вошли в комнату, вдоль стен которой стояли полушкафы, в которых лежали книги и портфели. Посредине кабинета находились три огромных письменных стола. Два стояли параллельно друг другу, а третий — поперек комнаты, с приставленным к одной его оконечности пюпитром.

Меня удивил порядок: ничто не нагромождено, нигде ничего не валяется, всякая вещь находится на своем месте. В комнате четыре огромных, как ворота, окна, два из которых выходили на Адмиралтейство и два — на Неву. В простенке между окнами, выходящими на Адмиралтейство, стояли большие малахитовые часы... Вся мебель, стулья и кресла были сделаны из карельской березы и обиты зеленым сафьяном.

Император предложил нам и своим сыновьям присесть за стол. Сам он остался стоять. Я почувствовал себя немного неуютно. Но Николай снова улыбнулся и обратился к цесаревичу и великому князю Константину:

– Дети мои, я рад представить вам капитана 1-го ранга Дмитрия Николаевича Кольцова. Это он со своей эскадрой, попав из будущего в наше время, поспешил помочь гибнущему в неравном бою гарнизону Бомарзунда. Он разгромил вторгнувшийся на Балтику англо-французский флот и пленил неприятельский десант. Вы видели сейчас один из кораблей его эскадры. Поверьте мне – корабли из будущего еще более удивительные, и ни один, даже самый сильный 100-пушечный корабль, не сможет устоять перед ними. В эскадре Дмитрия Николаевича имеются чудесные аппараты, которые могут летать по воздуху, а их орудия и ракетные снаряды разносят в щепки вражеские корабли. У наших потомков еще много других необычных вещей.

– Я прошу вас, – продолжил Николай, обращаясь к сыновьям, – никогда не забывать то, что эскадра Дмитрия Николаевича сделала для нашего Отечества. Все может случиться со мной, – тут император вздохнул, видимо, вспомнив, что в нашей истории ему оставалось жить совсем ничего, – и тебе, Александр, придется править Россией. Я надеюсь, что наши потомки так же будут помогать тебе, как и мне.

Тут Николай вопросительно посмотрел на меня. Мне осталось лишь кивнуть головой, подтверждая его слова.

Цесаревич Александр и великий князь Константин смотрели на меня с удивлением и восхищением. Я встал и поклонился им, словно дирижер перед началом симфонии. Потом я выразительно посмотрел на царя. Тот мгновенно все понял и сделал едва заметный кивок головой. Видимо, предупрежденные заранее, Александр и Константин встали и поспешили откланяться.

Когда они ушли, Николай тяжело вздохнул и сел на стул рядом со мной.

– Ну что ж, – произнес он, посмотрев мне прямо в глаза, – давайте, Дмитрий Николаевич, поговорим начистоту. А именно, как нам жить дальше...

11 (23) августа 1854 года. Санкт-Петербург Генерал-лейтенант Людвиг Фридрих Леопольд фон Герлах, посланник короля Пруссии Фридриха-Вильгельма IV

Восемнадцатого августа, когда я находился еще в Тильзите, мне пришло высочайшее повеление из Берлина – пересечь российскую границу у Тауроогена и проследовать далее в Петербург. На границе были уже предупреждены о моем появлении, и меня встретили со всеми подобающими почестями, предоставив мне русскую коляску, запряженную тремя конями, и весьма искусного возницу. Нас сопровождали вооруженные казаки – предосторожность, которую, при некотором размышлении, я счел не лишней – все-таки Таурооген находится в землях, где среди населения преобладают поляки. Здесь же живет один из самых диких европейских

народов – литовцы, которые были крещены лишь в XIV веке, и которые, по рассказам путешественников, до сих пор известны своим разбойным нравом. Мы, немцы, добились того, чтобы не менее дикое племя пруссов, которое и дало название нашему королевству, а также поляки, жившие в Померании, Силезии и Западной Пруссии, практически забыли свой варварский язык, почти превратившись в немцев. Русским нелишне будет добиваться того же самого. А они почему-то церемонятся с этими мелкими народами.

Именно поэтому я взял с собой в дорогу подаренный недавно мне американский новомодный револьвер – драгунский «кольт», который на всем пути из Тильзита в Петербург лежал на сиденье кареты, чтобы быть всегда под рукой. Ведь как говорится в таких случаях: «Gott hilft denen, die sich selber helfen» – «Бог помогает тем, кто помогает сам себе».

Несмотря на мои опасения, путь из Таурогена в Петербург прошел на удивление гладко, и расстояние более чем в восемьсот километров мы преодолели за три дня. Еще за светло я въехал на Невский проспект – главную улицу русской столицы. На пороге прусского посольства нас встретил молодой князь Карл Антон Филипп фон Вертер, посол Пруссии, сменивший моего недавно скончавшегося друга, генерал-лейтенанта Теодора Генриха Рохуса фон Рохова.

– Герр генерал, добро пожаловать в Петербург! – с улыбкой произнес он. – Проходите, покои для вас уже готовы, и слуги отнесут туда ваш багаж. Не хотите ли пока выпить

стаканчик рейнского? Могу предложить йоханнисбергского или фольрадского. Или, если вы устали с дороги...

— Благодарю, герр посол, — мне была приятна вежливость князя. — Конечно, путь был неблизким, и спал я не более пяти часов каждую ночь — в гостиницах Риги и Пскова. Но давайте лучше поговорим о наших делах...

— Герр генерал, мне передали, чтобы я от вашего имени запросил аудиенции у канцлера Нессельроде и у его императорского величества. Увы, ни канцлера, ни его величества в Санкт-Петербурге нет. Но когда я сообщил о вашем прибытии, то к канцлеру в его имение отправили курьера. А императора ожидают в столице со дня на день.

— Спасибо, герр посол, — я одобрительно кивнул головой. — Тогда расскажите мне все, что вам известно про эту таинственную эскадру и про ее победы на Балтике.

Фон Вертер удивленно посмотрел на меня.

— Герр генерал, мне, увы, ничего не известно ни про эскадру, о которой вы говорите, ни про ее победы. Я знаю лишь то, что первая попытка союзников взять недостроенную крепость Бомарзунд на Аландских островах провалилась, равно как и попытки захватить Ревель, Гангут и Свеаборг. А к Кронштадту ни британцы, ни французы даже не смогли подойти — русские весьма искусно перекрыли Финский залив с помощью плавающих бомб, или чего-то в этом роде. Но, по моим сведениям, союзники послали большую эскадру к Бомарзунду, и дни крепости сочтены.

Подумав, я решил, что в мои задачи не входит рассказывать князю о действительном положении дел. А в том, что моя информация верна, я не сомневался. Конечно, факт того, что императора нет в городе, и что его местоположение неизвестно, можно было бы объяснить возможным захватом Петербурга. Однако, в свете того, что враг даже не смог подойти к Кронштадту, это маловероятно. Тем более что император Николай – далеко не трус, и счел бы бегство из города бесчестным поступком. Так что можно смело предположить, что он там, где происходит решающая битва за Балтику. Это вероятно лишь в случае, если Российская империя одержала победу, либо надеется одержать таковую в ближайшее время.

На следующий день с утра пришла еще одна депеша из Канцелярии – из нее я понял, что господин канцлер, увы, болен, и неизвестно когда сможет вернуться в Санкт-Петербург. А после великолепного обеда, приготовленного французским поваром герра фон Вертера, да еще и под аккомпанемент чудесного мозельского вина из Триера, по городу разнеслась весть о полной победе русских на Балтике и о возвращении императора в Петербург. Фон Вертер изумленно посмотрел на меня:

– Герр генерал, получается, что ваша информация соответствовала действительности? Странно, что в Петербурге про это ничего не было известно, а вы, только что прибывшие из Пруссии, знаете об этом...

– Герр посол, я не знаю источника этой информации, но именно поэтому меня и послали в Петербург.

Через полтора часа нам передали записку, доставленную из Зимнего дворца. Господина посла приглашали в Казанский собор на завтрашний молебен в честь славной победы на Балтике. Мое же послание было более многословным. Начиналось оно так:

«Ваше превосходительство! Его Императорское Величество будет рад видеть вас в четыре часа пополудни в Зимнем дворце».

Обычно послы, приглашенные на официальный прием, входят в царский дворец по лестнице со стороны Невы, проходя через анфиладу прекрасных залов. Меня же провели по узкой лестнице со стороны садика в небольшой кабинет. Через минуту открылась дверь и вошел Николай.

Он заметно изменился с того времени, когда я видел его в последний раз. Император постарел, осунулся и выглядел усталым. Но его царственная осанка была все той же, а рукопожатие столь же крепким, как и ранее.

– Мой дорогой друг, я рад снова увидеть вас в Санкт-Петербурге.

– Ваше величество, позвольте мне поздравить вас с блестящей победой. Вся Пруссия – более того, я полагаю, что население тех немецких земель, которые не являются подданными прусской короны – тоже искренне рады, узнав о

победе нашего природного союзника. Увы, наши отношения переживали непростые времена, но дружба между нашими монархиями – заветная мечта моего короля, его величества Фридриха Вильгельма IV. Он послал меня к вам еще до того, как весть об этой славной виктории стала известна в Европе. Я счастлив передать вам, ваше величество, личное послание от его величества, – тут я достал конверт, украшенный королевским вензелем и гербом Гогенцоллернов.

Николай вскрыл его, пробежал глазами, после чего с улыбкой обратился ко мне:

– Я очень благодарен моему брату, королю Фридриху Вильгельму, за теплые слова, сказанные в мой адрес, и за его пожелания укрепить наши традиционные связи. Особенно я ценю то, что он пообещал помощь нашей державе еще до того, как мир узнал о победе на Балтике.

Я чуть напрягся – по губам императора блуждала еле заметная лукавая улыбка. Не иначе, как он догадался, что нам кое-что известно. Но Николай продолжил:

– Мы благодарны и за то, что Пруссия решила передать нам задержанные вами льежские штуцеры.

– Ваше величество, я считаю, что дружба Пруссии и России предопределена самим провидением. И мы должны сделать все, чтобы никакие происки врагов не помешали этой дружбе. Мы готовы поставлять вам стрелковое оружие, артиллерию, боеприпасы, станки, а также сырье, необходимое вам для ведения боевых действий. Некоторые наши предло-

жения изложены в этой докладной записке, – я передал императору еще один конверт.

– Благодарю вас, дорогой друг. Ваши предложения будут внимательно изучены, и я надеюсь, что при следующей нашей встрече, которая, возможно, произойдет еще до вашего отъезда из Петербурга, смогу обсудить с вами некоторые конкретные предложения.

– Ваше величество, я буду счастлив встретиться с вами еще раз.

– Ваше превосходительство, у нас есть еще одна просьба к дружественной нам Пруссии. Мы хотели бы провести небольшой конвой речных судов через нижнее течение Вислы, от Данцига до Торна, и далее – до русского Влоцлавка. Потом часть этого конвоя, оставив грузы во Влоцлавеке, вернется в Балтийское море.

– Ваше величество, я немедленно пошлю запрос в Тильзит, и надеюсь получить оттуда ответ не далее чем послезавтра. Я уверен, что он будет положительным. Более того, на днях я пересекал Вислу по дороге в Кёнигсберг, и могу вам доложить, что уровень воды в реке на всем протяжении немецкой ее части превышает одиннадцать футов, что более чем на три фута выше, чем обычно в это время года. Но, конечно же, вам придется взять немецких лоцманов...

– Мой друг, в случае положительного ответа я попросил бы вас встретиться с капитаном Кольцовым, с которым вы сможете обсудить все детали.

Я почувствовал себя игроком, сорвавшим банк в казино. У меня хорошая память на фамилии, и я был уверен, что никакого «капитана Кольцова» в Российском Императорском Балтийском флоте нет. Не было и капитан-лейтенанта с такой фамилией. Так что можно было исключить вариант, что капитан Кольцов – это один из героев морской войны на Балтике, произведенный в следующий чин. Тогда вполне вероятно, что это человек из той самой таинственной «новой эскадры», возможно даже, что он ее командующий. Хотя меня немного смущал тот факт, что он – всего лишь капитан, а не адмирал.

Вслух же я сказал:

– Ваше величество, тогда позвольте мне откланяться – нужно срочно подготовить и отправить сообщение в Тильзит.

– Благодарю вас, мой друг. В свою очередь хотел бы пригласить вас на торжественный молебен в честь нашей победы. Он состоится в Казанском соборе. Вот ваше приглашение, – и его императорское величество подал мне такой же конверт, какой я уже видел у молодого фон Вертера.

– Сочту за честь, ваше величество, – улыбнулся я, поклонился и поспешил покинуть царский дворец.

11 (23) августа 1854 года. Неподалеку от Кронштадта. Кают-компания БДК «Королев» Командир отряда кораблей Балтийского флота капитан 1-го ранга Кольцов Дмитрий Николаевич

Снова, как это было несколько дней назад, и примерно в том же составе, я провожу совещание, в котором участвуют командиры кораблей из XXI века и старшие офицеры ФСБ, ГРУ и морской пехоты. И если тогда речь шла о том, чтобы решить, что нам надо сделать для разгрома англо-французской эскадры, то сейчас, когда Балтика полностью очищена от вражеского флота, нам предстоит прикинуть, как нам жить дальше. Кое-какие мысли у меня на этот счет уже есть, но я хочу выслушать подчиненных, чтобы потом, когда выскажутся все, принять окончательное решение.

– Товарищи офицеры, – этими привычными и дорогими для всех нас словами я начал совещание, – мы сделали огромное дело – флот интервентов и их экспедиционный корпус полностью уничтожен. При этом русский императорский флот и гарнизон Бомарзунда понес минимальные потери. Чисто военное поражение Англии и Франции может перерасти и в поражение дипломатическое. Как я слышал от императора Николая I, позиция Пруссии, которая до разгрома союзного флота была нейтрально-недоброжелательной, изменилась, и теперь ее можно охарактеризовать как нейтрально-дружескую. По оценке наших аналитиков... – тут я взглянул на подполковника Березина, – ...должна измениться и позиция Австрии. Ожидаемы перемены и в ее руководстве – весьма вероятно отставка канцлера фон Буоля и приход нового человека, который не будет с такой русофобской яростью работать против России. Все это, возможно, заста-

вит Англию и Францию поторопиться с заключением мира, оставив Турцию один на один с Российской империей. А это – смертный приговор для Стамбула.

– Дмитрий Николаевич, – произнес внимательно слушавший меня командир «Смольного» капитан 1-го ранга Степаненко, – значит ли это, что не будет никакой высадки англо-французского десанта в Крыму и героической обороны Севастополя?

– Не знаю, Олег Дмитриевич, не знаю. – Я тяжело вздохнул. – Очень хотелось, чтобы вы оказались правы. Но боюсь, что британцы и французы решатся попытать счастья и высадиться в Крыму. Ну, а как там будут развиваться события – один Господь знает...

– Думаю, что вы правы, Дмитрий Николаевич, – согласился со мной подполковник ГРУ Андрей Березин. – Уж больно азартный игрок император Луи-Наполеон. Да и британцы не привыкли забывать полученные ими пощечины. Так что после окончания боевых действий на Балтике должны начаться боевые действия на Черном море.

– Все это так. Только мне хотелось бы, чтобы все здесь присутствующие приняли концептуальное решение, – продолжил я. – А именно, каков будет наш статус в этом мире. Я исхожу из того, что нам вряд ли удастся вернуться в свое время. И жить нам придется именно здесь. У нас есть несколько вариантов выживания в XIX веке. Первый – самый радикальный. Мы можем, выполнив свой долг перед Россией,

отправиться на наших кораблях на край света, найти где-нибудь в Океании несколько еще неизвестных островов и, объявив над ними суверенитет, организовать какую-нибудь «Республику Чунга-Чанга». Сил для того, чтобы отстоять наш суверенитет, у нас хватит с избытком. Наберем жен из числа аборигенок, создадим новую расу и будем жить-поживать...

Я внимательно посмотрел на присутствующих. Никто из них не поддержал мою идею. Да я, собственно, и не ожидал ничего иного. Но надо было обозначить все варианты, чтобы у людей был выбор.

– Второй вариант – присягнуть России в лице императора Николая I. Войти в состав флота империи. И вместе со своими предками бить всех, кто полезет на Русь с мечом. Думаю, что этот вариант устроил бы многих. Конечно, есть ряд вопросов, которые надо решить уже сейчас.

Взглянув на сидевших в кают-компании, я заметил, что многие из них задумались. Но ярко выраженного протеста мои слова не вызвали. Хорошо – теперь можно перейти к конкретике.

– Хочу вас предупредить – нынешняя Российская империя – государство сугубо сословное, где взаимоотношения между людьми зависят от того, кто они – дворяне или принадлежащие к податным сословиям. Надо будет как следует изучить Табель о рангах, чтобы понять, кто ваш собеседник и как с ним общаться.

В кают-компании все сразу заговорили, обсуждая сказанное мною. Многие не догадывались обо всех этих сложностях. Люди привыкли видеть равных в матросах, контрактниках и мичманах. А тут – кто-то сразу станет дворянином, а кто-то до этого не дотянет. Кто-то будет пользоваться всеми правами, не имея практически никаких обязанностей, а кто-то на вполне законных основаниях может быть подвергнут телесным наказаниям.

Я поспешил успокоить собравшихся.

– Товарищи! Чтобы подобные казусы не происходили, я обсудил эти вопросы с императором. Все офицеры и мичманы нашей эскадры согласно Табели о рангах становятся классными чинами. Далее, все матросы и, как их здесь называют, унтер-офицеры, при переходе на службу в императорский флот станут кондукторами, а потом, после сдачи экзаменов – более для проформы – получают звание мичмана, первый офицерский чин в русском флоте. Кроме того, император, чтобы покрыть убыль офицеров в армии, примет указ, разрешающий студентам производство в офицерский чин. Это касается и наших курсантов.

По кают-компании снова прошел гул. Похоже, что большинство было удовлетворено тем, что я сказал. В конце концов, наши командиры меньше всего думали о балах, на которых они выглядели бы белыми воронами, или об имениях с крестьянами. К тому же освобождение этих самых крестьян уже не за горами. Наши ребята вряд ли воспользуют-

ся своими правами и привилегиями, доступными им согласно манифесту 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», который «расширила и углубила» Екатерина II в 1785 году в «Жалованной грамоте дворянству», превратив когда-то служилое сословие в паразитов.

Думаю, что никто из наших современников не захочет превратиться в Собакевича или Ноздрева. «В службе честь!» – говаривал император Петр Алексеевич, сам, засучив рукава, вкалывавший на судоверфи. А развратничать с крестьянками или пороть мужиков на конюшне – этому нас, слава богу, не учили.

– Дмитрий Николаевич, – сказал вдруг Виктор Юрьевич Никольский, капитан контейнеровоза «Надежда». – А как насчет тех, кто сейчас является гражданскими моряками?

– Виктор Юрьевич, этот вопрос мы с императором также затронули. Для вольнонаемных есть две альтернативы. Первая – оставить все, как есть. Многие из них – да и вы, Виктор Юрьевич – носят звание офицеров запаса. То есть вы уже имеете классный чин. Те же из гражданских, кто не имеет офицерского звания, будет причислен к сословию почетных граждан. Для этого им лишь следует написать ходатайство. Особые права и преимущества почетного гражданина заключаются в свободе от рекрутской повинности, от подушного оклада, от телесного наказания.

Вторая же возможность – поступить на военную службу.

Насколько я понимаю, большинство наших гражданских моряков имеют высшее и среднеспециальное образование. Эти лица при поступлении на военную службу получают офицерские погоны. Точно так же произойдет с военными журналистами – им присвоят офицерские звания.

Никольский улыбнулся и сказал:

– А что здесь думать-то. И я, и моя команда, все мы служили срочную. Так почему б нам не тряхнуть стариной и снова встать в строй. Только вот такой вопрос – мой грузовой помощник Лев Абрамович Зайдерман, например, еврей, хоть и не очень-то верующий. А боцман, Ринат Зязиков – так тот мусульманин. Что с ними делать-то? Ведь присяга во времена императора Николая I – процедура религиозная.

– Для мусульман, иудеев, буддистов, католиков, протестантов и даже верований малых народов предусмотрена особая последовательность присяги. Конечно, иудеи-офицеры в теперешней армии – редкость, но император дал мне понять, что такое будет дозволено.

– Дмитрий Николаевич, – неожиданно спросил меня подполковник Березин, – с личным статусом нам все более-менее ясно. Но ведь мы – люди военные, и вопрос субординации для нас очень важен. Рассасируют наших ребят по разным полкам и начнут давать им немыслимые задания, или, еще хуже – начнут прессовать, как чужаков. Очень бы не хотелось такого...

– Я прекрасно вас понимаю, Андрей Борисович, – ожидая

подобного вопроса, я заранее подготовил на него ответ. — Наша эскадра и все вольнонаемные ни в коем случае не будут раскассированы. По моему предложению император Николай решил создать на базе нашей группы особый отряд, который станет составной частью Гвардейского флотского экипажа. Но мы не будем подчиняться его командиру контр-адмиралу Мофету. Нашим прямым начальником станет сын императора, великий князь Константин Николаевич. Но и он будет кем-то вроде зиц-председателя. Приказы, которые мы станем получать от него, подлежат исполнению лишь в том случае, если они будут завизированы императором. И еще. Внутри нашего отряда будут действовать наши законы и уставы. Император в своем указе о нашем статусе обещал особо выделить тот момент, что любые полицейские либо иные действия в адрес любого человека из нашего отряда будут проводиться только при участии наших военных юристов, либо сотрудников наших спецслужб.

Присутствующие одобрительно закивали головами. Похоже, что вопрос подчинения тоже их сильно волновал.

Я взглянул на часы. Для того чтобы приступить ко «второй фигуре Марлезонского балета», следует сделать перерыв. Пусть люди обсудят то, что я им сейчас сказал, оценят, посоветуются. Следующий вопрос, который нам необходимо решить, был не менее сложным, чем первый.

23 августа 1854 года, закат. Бад Ииль, терраса Мраморного дворца в саду императорской виллы Франц-Иосиф

И, император Австрийский; граф Карл Фердинанд фон Буоль-Шауенштейн, министр иностранных дел и президент совета министров Австрии

– Ваше императорское величество, – почтительно поклонившись, произнес фон Буоль, – простите, что нарушаю ваш вечерний покой. Я знаю, как вам нравится смотреть на закат, но, поверьте мне, я бы не стал вам мешать, если бы известие, которое я хотел бы вам сообщить, не было бы столь важным.

– Я внимательно слушаю вас, герр министр, – император легким кивком головы ответил на поклон фон Буоля. Потом он принюхался и спросил: – Вы только что из Вены? От вас пахнет угольным дымом.

– Да, ваше величество, я несколько часов был в пути. Пришлось поспешить, чтобы обо всем доложить вам лично. Как вы знаете, в министерстве иностранных дел в Берлине у меня есть... – фон Буоль замялся, – ну, как бы это поделикатнее сказать...

– Друзья, я вас правильно понял, герр министр? – усмехнулся император.

– Именно друзья, ваше императорское величество, – кивнул фон Буоль. – Один из этих друзей побывал у нас весной по государственным делам. Всем известно, что он – большой любитель голубей, и мы, конечно, подарили ему несколько птиц самых лучших пород. Три из них были почтовыми. В пятницу наш знакомый воспользовался одной из этих птиц, а сегодня – второй.

Франц-Иосиф перестал улыбаться, лицо его стало серьезным, и он чуть подался вперед в кресле. Фон Буоль тем временем продолжил:

– Так вот, в его руки попало несколько интересных документов.

– И какие же, герр министр?

– Во-первых, перехваченные английские телеграммы. Оказалось, что русские сумели полностью разгромить англо-французскую эскадру на Балтике, причем практически без потерь. Пленен и экспедиционный корпус, высаженный французами у Бомарзундской крепости. Подробности сражения он не приводит, но уже сам факт, если он действительно имел место быть, заслуживает весьма серьезного отношения.

Франц-Иосиф пристально посмотрел на фон Буоля, потом жестом остановил его монолог и спросил:

– Герр министр, а вы уверены, что ваш источник не лжет?

– Ваше императорское величество, – голос фон Боуля был мрачен, как у распорядителя на похоронах, – мой источник также прислал мне набросок депеши прусскому послу в Санкт-Петербурге, который, по его словам, был отправлен для зашифровки. Интересно, что рука, которой он был написан, принадлежит министру Фердинанду фон Вестфалену; мой контакт хорошо знаком с его почерком. Согласно этому приказу, посол должен просить о срочной аудиенции у императора Николая, или у канцлера Нессельроде, и заверить

последнего в дружеском отношении Прусского королевства к России, а также предложить уступки в сфере преференций и в других политических сферах.

– Герр министр, но получается, что часть этой информации была получена вами уже на прошлой неделе? И вы сообщаете мне об этом только сейчас.

– Ваше императорское величество... – растерянно заблеял фон Буоль, – поверьте, мне не хотелось нарушать ваш отдых, тем более что до полного разгрома тогда было еще далеко...

– Герр министр, а вы не пытались хотя бы поговорить с российским посланником?

– Ваше императорское величество, вы же знаете, что князь Горчаков должен заменить барона фон Мейендорфа, и я хотел пригласить его на беседу. Но согласно протоколу, я могу это сделать только после того, как барон фон Мейендорф передаст ему все дела.

Франц-Иосиф задумался. В победе англо-французской коалиции на Балтике его заверил недавно сам фон Буоль, уверявший, что вопрос лишь в том, насколько решительной будет эта победа. И именно фон Буоль, даже не поставив Франца-Иосифа в известность, счел нужным в оскорбительной форме сообщить русскому послу барону Петру фон Мейендорфу, кстати, мужу своей сестры, про поддержку Австрией англо-французской коалиции.

Но аргумент фон Буоля о том, что Австрии нужно всеми

силами предотвратить усиление России на ее юго-западных границах, привел к тому, что Франц-Иосиф решил тогда не отчитывать своего министра за самоуправство. А вот теперь высокомерие министра могло привести к весьма печальному для Австрии развитию событий.

Ведь Россия оказалась намного сильнее, чем они ожидали. Впрочем, Франц-Иосиф и сам уже сожалел о том, что позволил своему не в меру ретивому министру рассориться с Россией. Ведь если бы не помощь императора Николая тогда, в 1848 году, то Австрия распалась бы на две части. Вполне вероятно, что русская помощь когда-нибудь может понадобиться вновь.

А тут еще Пруссия, вечный соперник Австрии в германском мире, которая в результате всего произошедшего на Балтике сможет усилить свои позиции в России. И если четыре года назад именно Россия добила Ольмюцкого компромисса, остудившего прусские амбиции, то в будущем вполне вероятно, что она встанет на сторону Пруссии, не говоря уж о возможной дестабилизации населенных славянами земель, принадлежащих его короне, таких, как Лемберг или прикарпатский Унгвар.

А этот надутый осел с графским титулом не только все испортил, но еще и потерял драгоценное время. Конечно, его встреча с Мейендорфом ни к чему хорошему привести не могла. Но если б он хотя бы сообщил ему, императору, об этом еще на прошлой неделе, то можно было бы пригласить

нынешнего русского посла, или того, кто его сменит, в Ишль и попробовать по возможности смягчить ситуацию.

Остается лишь надежда на то, что российский канцлер Нессельроде, который был всегда другом Австрии, в случае обращения к нему, поможет наладить изрядно подпорченные отношения между Австрией и Россией. Надо будет с ним связаться – отправить в Россию личного посланника.

Фон Буоль тем временем продолжал рассуждать, не обращая внимания на выражение лица своего монарха.

– Ваше величество, нужно действовать в двух направлениях. Во-первых, следует отправить специального посланника в Россию через Данциг и Ригу, – император машинально кивнул, – а, во-вторых, надо бы все-таки пригласить барона фон Мейендорфа и князя Горчакова и заверить их, что все наши недоразумения остались в прошлом, и что позиция Австрии стала менее враждебной России.

– Да, герр министр, – сказал император, – только вряд ли барон фон Мейендорф поверит подобным заверениям после того, как мы, – Франц-Иосиф едва удержался от того, чтобы сказать «вы», – недвусмысленно объявили о поддержке политики англичан и французов в самом начале кризиса. А князь Горчаков, как вы мне сейчас сообщили, еще не вступил в должность.

Фон Буоль побледнел. Он до последнего момента надеялся, что следующего шага делать не придется. Он незаметно смахнул пот со лба, набрав побольше воздуха в легкие, ска-

зал:

– Ваше величество, я смиренно прошу вашего разрешения подать в отставку. Вот прошение, – он достал из кожаной папки написанную еще в поезде бумагу. – Предлагаю назначить на мое место Иоганна Бернгарда фон Рехберга унд Ротенлёвена. Думаю, что его кандидатура будет более приемлемой для российского императора. А барона фон Мейендорфа и князя Горчакова, действительно, неплохо пригласить сюда, в Бад Ишль, на личную аудиенцию с вашим величеством.

Франц-Иосиф прочел документ, покачал головой, взял с письменного стола перо и, написав на бумаге пару слов, поставил размашистую подпись. Пристально посмотрев на уже бывшего министра, он сказал:

– Хорошо, граф. – Фон Буоль машинально отметил, что Франц-Иосиф назвал его не «герр министр» – и сие означало, что его личная карьера, увы, по крайней мере, на самое ближайшее время, завершена. – Благодарю вас за ваши многолетние труды на службе мне и Империи. Я подумаю, на каком поприще можно будет использовать человека ваших талантов и способностей. Я сообщу об этом в самое ближайшее время. А сейчас я напишу письма фон Рехбергу и российскому послу барону фон Мейендорфу, а также князю Горчакову, которые я попросил бы передать означенным лицам как можно скорее. Я понял, что вы собирались вернуться в Вену?

– Да, ваше величество, – кивнул фон Буоль, – поезд ждет меня на вокзале.

– Тогда не смею вас задерживать, граф. – Молодой император подошел к бывшему министру и пожал его руку. – Письма вам привезут прямо к поезду. Спасибо вам за то, что вы навестили своего императора.

Наша справка

Габсбурги – взлет и падение императорского дома

Почти семь веков династия Габсбургов правила Австрией, а потом и Священной Римской империей. За время ее правления представители династии были владыками таких стран, как Австрия, Венгрия, Чехия, Хорватия, Испания, Португалия, Неаполитанское королевство, Мексика и Трансильвания.

Хотя вотчиной Габсбургов считалась Австрия, сам род их по происхождению был швейцарским. Основал его еще в 938 году Гунтрам Богатый, граф Брейстау и Мури, владевший землями в швейцарских областях Аргау и Тургау. Его сын Радбот в 1020 году построил в Аргау замок Габихтсбург (Habichtsburg – «Ястребиный замок»), давший имя всем его владельцам.

Королевской династия стала в 1273 году, когда граф Рудольф Габсбург после долгих усобиц был избран германским королем под именем Рудольфа I. Он сумел перенести центр своих владений на восток, приобретя в 1280-х годах герцогства Штирия и Австрия.

Габсбурги на протяжении многих веков славились умением выгодно заключать браки. В правление императора Фридриха III появился даже своего рода лозунг Габсбургов: «Пусть другие ведут войны, а ты, счастливая Австрия, женись!»

Рудольф I сумел выгодно выдать замуж своих дочерей и женил сыновей. В последующем браки Габсбургов с представителями европейских королевских домов только увеличивали владения династии. Например, Максимилиан I, сын императора Фридриха III, благодаря браку в 1477 году с единственной наследницей Бургундского герцогства Марией, стал владельцем богатых земель в Нидерландах и претендентом на все «бургундское наследство». Из-за него потом шли долгие и кровавые войны между Габсбургами и французскими Бурбонами.

Сын Максимилиана и Марии Филипп I после заключения брачного договора с инфантой Хуаной стал в 1504–1506 годах королем Кастилии. Их старший сын Карл унаследовал в 1516 году испанский престол, а в 1519 году, после смерти деда императора Максимилиана, был избран императором под именем Карла V (1519–1556), соединив авторитет императора Священной Римской империи с неисчерпаемыми ресурсами огромной испанской колониальной державы.

Брат Карла Фердинанд был женат на сестре короля Венгрии и Чехии Лайоша II Ягеллона. После того как бездетный Лайош в 1526 году погиб в битве с турками при Мохаче,

Фердинанд занял оба освободившихся престола.

Среди правивших в Средние века Габсбургов было немало весьма экстравагантных личностей. Например, император Карл V, одновременно король Испании, считавший себя «избранным императором христианского мира». К концу жизни он усомнился в способности добиться всемирного господства, и в 1556 году отрекся от престола, разделив свои владения. Испанию вместе с Нидерландами, Франш-Конте и землями в Италии он отдал сыну Филиппу II, а императорское достоинство с родовыми австрийскими герцогствами – брату Фердинанду I, королю Венгрии и Чехии. Сам он удалился в монастырь, где до конца своих дней занимался любимым занятием – ловлей рыбы, забрасывая удочку из окна своей кельи.

В 1558 году он провел церемонию собственных похорон. Завернутый в саван и окруженный монахами, держащими зажженные свечи, бывший император возлежал на катафалке и в таком состоянии принял участие в церковной службе – литургии. Вскоре Карл Габсбург умер.

Не менее своеобразным монархом был император Рудольф II, правивший в 1576–1612 годах. Он перебрался из Вены в Прагу, где, удалившись от мирских дел, занялся оккультизмом и алхимией. Император приглашал к своему двору гадалок и каббалистов, которые, получая щедрую плату, занимались поиском «философского камня» и составлением гороскопов. Справедливости ради стоит заметить, что

при дворе императора Рудольфа жили и трудились такие известные астрономы, как Тихо Браге и Иоанн Кеплер.

Император покровительствовал художникам и скульпторам, коллекционировал произведения искусства. В конце концов, Рудольф сошел с ума и был вынужден отречься от престола, передав корону брату, императору Матвею II.

Император Карл VI, правивший в 1711–1740 годах, чтобы сохранить нераздельно за своими наследниками австрийские владения, 19 апреля 1713 года огласил так называемую «Прагматическую санкцию», которая, при отсутствии мужского потомства у императора, отдавала трон женской линии. В это время у императора Карла еще не было детей. Три года спустя у него родился сын, который вскоре умер, а затем у него рождались только дочери.

Большинство государств Европы первоначально не собирались признавать «Прагматическую санкцию». Но, в конце концов, ценой значительных уступок Карлу удалось добиться ее признания, и в 1740 году на престол взошла дочь Карла VI императрица Мария-Терезия. Это была энергичная, деятельная и умная женщина, обладавшая большим тактом и обаянием. Она неплохо разбиралась в международной политике и внутренних делах, окружила себя способными и умными людьми.

Несмотря на занятия государственными делами, Мария-Терезия находила время и для семьи. У нее было шестнадцать (!) детей, из которых десять пережили мать. Одной

из ее дочерей была Мария-Антуанетта, супруга короля Людовика XVI, казненного во время Великой Французской революции. Угодила на гильотину и Мария-Антуанетта.

Одним из самых известных Габсбургов был предпоследний представитель этой династии император Франц-Иосиф. Он оказался рекордсменом среди монархов мира – Франц-Иосиф процарствовал 68 лет! Помимо своего долголетия – он умер в возрасте 86 лет, Франц-Иосиф был словно заколдован. Большинство его близких родственников умерли насильственной смертью, став жертвами покушений.

Его супруга Елизавета Баварская была убита в Женеве в 1898 году итальянским анархистом Луиджи Лукени. В 1867 году брат Франца-Иосифа Максимилиан, ставший императором Мексики, попал в руки повстанцев и был расстрелян. Единственный сын и наследник императора, кронпринц Рудольф, в 1889 году в замке Майерлинг, по одной из версий, оскотил сам себя, после чего застрелил любовницу баронессу Марию Вечера, а потом застрелился сам. По другой версии, наследник Франца-Иосифа стал жертвой заказного политического убийства, замаскированного под самоубийство.

Другой наследник императора, его племянник эрцгерцог Франц-Фердинанд, в июле 1914 года был убит вместе с супругой боснийскими террористами в Сараево. Смерть эрцгерцога стала поводом для начала Первой мировой войны. Наследником престарелого императора стал его внучатый племянник Карл-Иосиф.

Франц-Иосиф умер в 1916 году в разгар Первой мировой войны, когда австрийская армия терпела одно поражение за другим. Наследовавший ему новый император Карл-Иосиф процарствовал ровно два года и был свергнут в ходе распада Австро-Венгерской империи.

После прихода к власти в Германии нацистов и аншлюса Австрии, те потомки Габсбургов, которые проживали на территории Третьего рейха, подверглись жестоким гонениям со стороны нацистов. Как ни странно, Адольф Гитлер, сам по происхождению австриец и бывший подданный Габсбургов, люто их ненавидел. Имущество династии было конфисковано, а сами они репрессированы. Сыновей убитого эрцгерцога Франца Фердинанда бросили в концлагерь Дахау и подвергли изощренным издевательствам.

11 (23) августа 1854 года. Неподалеку от Кронштадта. Кают-компания БДК «Королев» Командир отряда кораблей Балтийского флота капитан 1-го ранга Кольцов Дмитрий Николаевич

Через полчаса, когда народ вдоволь наговорился и закурился, я продолжил совещание. Второй вопрос, который нам предстояло обсудить, был не менее важным, чем первый. Речь шла о пунктах нашей дислокации и ближайших планах.

Вообще-то, во время моей встречи с царем мы обговорили и эту проблему. Дело в том, что из Балтики нам выбраться будет пока тяжело. Хотя, конечно, можно. Но все упирается в топливо. Нефть в России уже добывают, и даже пе-

перерабатывают. В 1823 году братья Дубинины открыли завод в Моздоке для переработки нефти, собираемой с близлежащего Вознесенского месторождения. Но это все кустарщина. Надо будет налаживать промышленную нефтедобычу и промышленную переработку. А на это потребует немало времени и сил.

У нас есть танкеры с нефтью и нефтепродуктами. Мы можем с дозаправками в пути дойти хоть до Камчатки. Но пока на этот счет окончательное решение еще не принято. Все будет зависеть от ситуации в Крыму...

Все это я объяснил императору. Он, правда, не сразу уловил все тонкости – с морем и с кораблями у Николая Павловича были связаны не очень приятные воспоминания. Но главную мою мысль он понял и заявил, что он заранее согласен с нашими предложениями. Всю возможную помощь с его стороны в решении возникших проблем он окажет.

Я рассказал об этом присутствующим на совещании и попросил их высказать свои соображения.

Первым, как это принято, выступил командир «Дениса Давыдова» старший мичман Максимов.

– Дмитрий Николаевич, – сказал он. – Я полагаю, что на Черное море нам не прорваться. Конечно, «Бойкий» с танкером «Лена» могут пройти через Датские проливы, обойти вокруг Англии, миновать Гибралтар, прорваться через Босфор и Дарданеллы и войти в Черное море. Но при этом наши корабли могут получить тяжелые повреждения, а ремонт-

ровать их будет негде. Про Черное море, как я понял, здесь будет отдельный разговор, но насчет Балтики – мое мнение таково: надо уже сейчас подумать о зимовке.

– Старший мичман прав, – произнес командир МДК «Мордовия» капитан 3-го ранга Сергеев, – к примеру, мой корабль не предназначен для дальних походов. И дальше Балтики, на самый крайний случай – дальше Северного моря, он вряд ли сможет уйти. Поэтому следует разделить нашу импровизированную эскадру на отряды. В один из них войдут корабли, способные совершать дальние походы. Это «Бойкий», «Смольный», «Королев». Второй отряд – корабли с малым радиусом действия – «Выборг», «Мордовия» и «Денис Давыдов». Ну, и вспомогательный отряд снабжения – два танкера и контейнеровоз. Они хотя и могут совершать дальние походы, но без охраны их в море отпускать нельзя.

– Благодарю вас, Николай Иванович, – кивнул я командиру «Мордовии». – Вы правильно расставили акценты. Именно так мы и собирались поступить. Теперь я хотел бы услышать от вас предложения о местах базирования.

– Я помню, что уже шла речь о том, чтобы использовать в качестве временной базы Либаву и Аландские острова. – Командир БДК «Королев» капитан 2-го ранга Сомов пригласил свои вислые усы, – Но Аланды имеют минус – бухты Бомарзунда замерзают. Летом там могут базироваться «Денис Давыдов», «Мордовия» и «Выборг». Либава в этом отношении более интересна, хотя и не совсем удобна. Во-первых –

слишком близко к границе с Пруссией. Во-вторых, внешний рейд практически не защищен с моря от штормов, а путь на внутренний рейд проходит через узкий канал, который, в случае чего, противник может закупорить – достаточно затопить там парочку судов. Но будем исходить из того, что есть.

– Лед для нас не особо и страшен, – сказал капитан танкера «Михаил Ульянов» Василий Васильевич Коваль. – Мы с «Надеждой» можем поработать и ледоколами. Только нужно ли это? Вражеский флот на Балтику зимой вряд ли сунется. Полагаю, что надо исходить из этого.

– Не стоит забывать и о Свеаборге с Кронштадтом, – командир СКР «Бойкого» капитан 2-го ранга Егоров указал рукой на карту Балтийского моря, лежащую на столе. – Это же готовые военно-морские базы, где легко наладить необходимую систему безопасности, в отличие от той же Либавы, которая прежде всего торговый порт, куда во время навигации постоянно заходят иностранные торговые суда. На счет замерзания Василий Васильевич верно заметил – зимой приход эскадры противника маловероятен. Ну, а если такое и случится, то у нас есть вертолеты, которые быстро разнесут все вражеские корабли в щепки.

– Кроме всего прочего, – сказал я, – нам нужно место для, скажем так, представительства. Не гонять же все время в Петербург вертолеты и разъездные катера, чтобы решать текущие проблемы, которых, поверьте мне, здешние бюрократы будут создавать нам ежедневно в огромном количестве. Сле-

довательно, необходимо найти помещение, которое было бы максимально близко к Зимнему дворцу и в то же время находится на некотором расстоянии от Адмиралтейства и прочих присутственных мест, откуда нас будут заваливать ворохом бумаг.

– А где найти такое место? – поинтересовался командир «Смольного».

– Я обговорил этот вопрос с императором и получил от него интересное предложение. Николай Павлович готов отдать для наших нужд Елагин дворец с островом, на котором он располагается. После смерти в 1828 году вдовствующей императрицы Марии Федоровны – матери императора Николая – этот дворец стал чем-то вроде запасной царской резиденции. Он фактически нежилой. В то же время Елагин остров имеет выход к Средней Невке и к Финскому заливу. Оттуда удобно добираться в Кронштадт, а рядом с дворцом можно установить мощную радиостанцию. Да и саму территорию острова проще охранять от непрошенных гостей.

– Если дворцовое ведомство передаст нам Елагин дворец, то это будет неплохо, – кивнул головой Олег Дмитриевич. – Я бывал там и видел дворец и его служебные корпуса. Там можно разместить не только радиостанцию и служебные помещения, но и казармы для охраны и обслуживающего персонала, а также моих курсантов. Ведь не век же им сидеть на «Смольном». Правда, придется потрудиться, чтобы установить там разную аппаратуру, электрогенераторы и еще много

чего. Но мы справимся – ведь мы же русские...

– Должны справиться, Олег Дмитриевич. Товарищи, если у вас нет ко мне вопросов, я закрываю наше совещание и предлагаю всем вернуться на свои корабли. Связь будем поддерживать по радиии. Капитана Сан-Хуана, капитан-лейтенанта Мишина, подполковника Березина и майора Смирнова я попрошу остаться. Также я попросил бы остаться вас, Виктор Юрьевич, – я кивнул капитану контейнеровоза «Надежда», – и вас, Юрий Иванович, – глава нашего медиахолдинга Черников, направившийся было к выходу, остановился и вернулся на свое место.

Когда командиры кораблей вышли, я предложил всем подсесть поближе к столу, после чего сказал:

– Товарищи, с вами я хотел поговорить о том, как нам помочь Севастополю и нашим войскам в Крыму...

12 (24) августа 1854 года. Санкт-Петербург Мария Александровна Широкина, корреспондент медиахолдинга «Голос эскадры»

Ну что ж, труба зовет... Кому-то предстоит прием в Зимнем дворце – шампанское рекою, ананасы, рябчики и прочие удовольствия. Да и то, что так любо молодым девушкам, к коим я пока еще принадлежу (по возрасту, если не по статусу) – танцы до упаду – не зря, что ли, я была в студенческие годы вице-чемпионом универа по бальным танцам? Но, увы, вместо этого мне предстоит увлекательный круиз по морям и рекам Российской империи, с заходом в немецкий город

Данциг, и проход по немецкой же реке Вайксель до города Торн, где этот Вайксель превращается во вполне себе славянскую Вислу. Причем не то чтобы меня заставили – сама напросилась, буквально взяв своего шефа, Колю Домбровского, за глотку. Горячая казачья кровь и все такое, знаете ли...

Родилась я в славном городе Пятигорске. Мой отец был из терских казаков. Мой прадед, Михаил Григорьевич, прямо как Григорий Мелехов из «Тихого Дона», успел повоевать и за красных, и за белых. Он решил не бежать за границу, но «на всякий пожарный» уехал подальше от родных мест, в город Астрахань. Его сын, Григорий Михайлович, прошел всю Великую Отечественную, вернулся с пятью орденами и с целой кучей медалей, после чего осел в Пятигорске, где у него и родились шестеро детей, младшим из которых был мой папа, Александр Григорьевич.

Я была четвертой из пятерых детей. Две моих старших сестры оказались красивыми и женственными – все в маму. Они стали примерными комсомолками и прилежными студентками. Теперь одна из них – бизнесвумен, а вторая – замужем за олигархом местного масштаба. Обе вполне счастливы. Но с ними я никогда не была особо близка. Вероятно, сказывалась большая разница в возрасте.

А вот я, мой старший брат Гриша и младший – Коля, стали, по словам мамы, «три мушкетера». Я не отставала от них во всех шалостях, мало интересовалась куклами и

платьями (а краситься я научилась только в десятом классе) и любила лазить с братьями по горам и играть в войну.

Дедушка Гриша учил нас всему, что, по его разумению, должен был уметь настоящий казак – ездить на лошади, рубить шашкой лозу, а также охотиться. А еще у него была пара неучтенных стволов, которые хранились в тайнике на даче. Я неплохо научилась стрелять как из ружья, так и из самого настоящего нагана.

Потом была учеба на журфаке в Краснодаре, который я закончила с красным дипломом. Все это, в совокупности с протекцией моей старшей сестры Тони, которая владеет большим бизнесом в Москве, помогло мне устроиться на канал НТВ. Я сразу стала проситься в «горячие точки», и вскоре – в 2008 году – с помощью наших бывших грузинских соотечественников сбылась «мечта идиотки» – я оказалась в Южной Осетии.

Выяснилось, что одно дело – охота, и совсем другое – война. Первый же бой, который начался внезапно, ознаменовался для меня, признаюсь сразу, легким испугом и большим конфузом – подмоченными трусиками. Хорошо еще, что на мне была длинная юбка, и никто не увидел моего позора.

Но я быстро привыкла к выстрелам и взрывам, и через пару-тройку дней в славном городе Гори встретила капитана Широкина – «можно просто Коля», – в которого влюбилась с первого взгляда. И когда, вскоре после нашей первой встречи, я увидела его тяжелораненого в госпитале, он вдруг

с ходу сделал мне предложение – видно было по глазам, рассчитывая на отказ. А я не раздумывала ни секунды.

И через месяц я превратилась в Машу Широкину. Семь лет мы с ним были счастливы... А теперь между нами годы и столетия, и умру я задолго до его рождения. Нет, это не слезы, это так, не обращайтесь внимания.

Так вот, мой шеф, Коля Домбровский (почему я все время окружена Николаями?) вместе со мной снимал марш взвода морских пехотинцев под командованием высокого светловолосого капитана от Казанского собора до Дворцовой площади. Коля шел впереди, а я – сзади. По дороге к ним присоединились военные музыканты – тоже из нашей группы, и грянули гимн, словам которого меня когда-то научил дедушка. Морпехи дружно запели, а я присоединилась к ним:

Боже, царя храни,
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Царь православный,
Боже, царя, царя храни!

А вот следующая песня меня удивила – молодцы ребята, так быстро придумали ей новые слова:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой

С английской силой темною,
С французскою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война!
Дадим отпор служителям
Османских палачей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война!

Поначалу за нами бежали любопытные мальчишки. Потом к ним присоединились и взрослые. Постепенно собралась большая толпа. Некоторые, до того шедшие в другую сторону, разворачивались и шли за нами. Пролетки на проспекте останавливались, пассажиры и извозчики с любопытством наблюдали необычное зрелище.

И тут я увидела офицеров в английских морских мундирах, таких, на которые насмотрелась в Бомарзунде и Свеаборге. Они понуро брели по Невскому под эскортом конных лейб-казаков в красных кафтанах и высоких меховых шапках. Сбоку строй сопровождали солдаты лейб-гвардии Павловского полка с ружьями и с примкнутыми штыками.

Увидев все это, я вспомнила кадры «парада» немецких во-

еннопленных в 1944 году, и другой такой же парад пленных «укропов» в Донецке год назад, тьфу ты, в августе 2014-го, который я имела удовольствие лицезреть.

Вот так-то, подумала я мстительно – что посеяли, то и жните, ваши английские благородия, – не забывая при этом фиксировать все на видео для потомков. Или для предков – кто их разберет...

А оркестр все играл и играл... Прозвучали «День Победы» и «Десятый наш десантный батальон», а в казармы Гвардейского флотского экипажа мы зашли под бессмертную «Славянку».

Я дождалась, когда морпехи и оркестр войдут в дверь, у которой стоял с одной стороны матрос экипажа с капсюльной винтовкой, а с другой – наш морпех с автоматом, и решила немного постоять и полюбоваться прекрасным видом на столицу империи...

12 (24) августа 1854 года. Санкт-Петербург Джеремая Джонсон, лейтенант флота Ее Величества, а ныне военнопленный

Зла не хватает на этих трех идиотов... Еще недавно мы были в Ревеле, где нас – английских и французских офицеров – разместили в старых солдатских казармах. Конечно, роскошью это назвать трудно, но, если честно, все ж лучше, чем те условия, в которых мне приходилось жить в Портсмуте, когда я был еще мичманом. Тем более что русские оставили нам все наши вещи и даже холодное оружие – мол, так

положено по правилам ведения войны, ведь мы же офицеры. Сюда же привезли моего брата, единственного офицера, выжившего после гибели «Валороса», и мы, чуть помявшись, все же пожали друг другу руки.

Потом мы даже обнялись, что было для нас весьма трудно. Но мы находились в плену на чужбине, так что в данной ситуации нам необходимо было держаться вместе.

Из окон казармы был виден кусочек Ревеля, и я с удивлением сказал брату, что, мол, дома в этом старинном городе каменные и даже красивые. На что Джосайя, усмехнувшись, поведал мне, что город построили датчане и немцы, а в русской столице почти все сделано из бревен, кроме, конечно, домов бояр.

Мы были вполне трезвыми в тот момент, потому, что ром нам русские скупердяи давали только по вечерам, да и то по половине кружки. Так что нам с братом хватило ума на этот раз не поссориться. Вместо этого мы заключили пари: когда мы увидим их столицу, то, если Петербург окажется деревянным – победит Джо (так мы называли брата в семье), а если из соломы и глины – то я. Выигравший пари получит золотую гинею. Деньги были и у меня и у Джо – русские их у нас не отбирали и в наших вещах не рылись. Я вспомнил, как разрешал матросам грабить русских рыбаков, и мне стало стыдно.

Но позавчера ночью трое молодых идиотов, Альфред Худ и двое его приятелей, узнав, что некий вонючий поляк из

французского корпуса по фамилии Домбровский (как и тот русский, который брал интервью у меня и у брата, но от того хотя бы не пахло) оказался виновным в смерти кузена Альфреда и Алджернона.

Ночью они пробрались в комнату, где в числе прочих спал этот Домбровский, и порезали его кортиками. Поляк визжал, словно свинья под ножом мясника. От его истошных воплей проснулись соседи-французы и сумели-таки спасти поляка от смерти. Лягушатники ловко повалили ударами ног трех наших балбесов и передали их с рук на руки русским.

Но после того случая русские приняли решение отправить нас всех, от греха подальше, в какую-то паршивую дыру недалеко от их столицы. Да, и кортики у нас забрали, хотя и под расписку. Причем забрали у всех, кроме адмиралов и капитанов кораблей. Кто знает – увидим ли мы свое оружие?

Наша спокойная жизнь в Ревеле закончилась, всех английских офицеров, кроме адмиралов и коммодоров, погрузили на захваченные у нас же пароходы и отправили в Петербург. Мы были заперты в трюме, поэтому я даже не знал, каким путем мы туда попали – ведь, как я слышал, русские трусливо отгородили восточную часть Финского залива рядами и плавающими бомбами.

Потом нас выпустили, пересадили на небольшие корабли и повезли к причалу на набережной, неподалеку от дворца их императора.

Когда я увидел их столицу, то у меня отвисла челюсть.

Такой красоты я не видел нигде, даже в Лондоне и Париже. Ни единой деревянной постройки, зато – дворцы, особняки, церкви... Каждое здание могло бы стать главной достопримечательностью любого европейского города! А здесь таких шедевров были полно, даже на окраинах...

Но чем ближе мы подплывали к центру города, тем поразительнее становилась архитектура. Нас высадили рядом с великолепным дворцом цвета слоновой кости, с лепниной и статуями, по сравнению с которым Букингемский дворец выглядит сараем, да простит меня Ее Величество. Я догадался, что это и был тот самый Зимний дворец, в котором адмирал Непир обещал поужинать. Увы, по слухам, бедняги Непира, возможно, уже нет в живых – говорят, он застрелился у Бомарзунда, чтобы не попасть в плен к русским варварам...

Впрочем, если бы не он, то мы с Джо вряд ли бы оказались в плену у русских. Так что, хоть это и нехорошо звучит, но он получил по заслугам.

Я еще раз осмотрелся по сторонам. На другой стороне реки виднелись великолепные дворцы, а также две высокие колонны, к которым сбоку были приделаны носы античных кораблей. На площади рядом с Зимним дворцом находилось желтое здание, построенное в стиле классицизма, а в центре площади высилась огромная колонна с ангелом наверху. Чуть подальше мы увидели гигантский собор с золотым куполом, а также какое-то здание с корабликом на шпигеле.

Я сказал брату:

— Ну, это, наверное, то самое место, где живут их бояре. А стоит чуть отойти в сторону, и мы увидим бедность, нищету, грязные улицы и дома из соломы.

— Или дерева, — возразил мне Джо. — Я слышал, что избы они строят из неструганых бревен.

— Посмотрим, — улыбнулся я, но тут к нашим конвоирам присоединились свирепого вида всадники. Похоже, что это были те самые ужасные cossacks, о которых мы столько слышали. Они были одеты в странные мундиры и меховые шапки, похожие на шапки шотландских гвардейцев. В руках у них были длинные пики. Офицер конвоя скомандовал:

— Господа англичане, строимся в колонны и отправляемся на вокзал!

Миновали арку, за которой я ожидал увидеть кварталы бедноты. Но мы вышли на широкую и прямую улицу, красивее которой я не видел никогда. Мы вдруг невольно стали чеканить шаг, и я сказал брату:

— Вот и настал тот самый парад, о котором мы с тобой так мечтали...

— Да, Джерри, — грустно улыбнулся тот. — Не хватает только оркестра...

И тут, словно кто-то услышал наш разговор — грянули трубы и застучал барабан. Где-то неподалеку от нас находился военный оркестр. Он прекрасно играл, хотя мелодии, исполняемые им, были незнакомы. А потом мы увидели солдат в странной форме, шагающих навстречу нам в сопровождении

музыкантов. Я догадался, что это были матросы с той самой эскадры, которой мы обязаны своим бедственным положением. Мой брат подтвердил, что я не ошибся...

Вскоре нас привели на вокзал и усадили во вполне комфортабельный вагон. Посередине был проход, справа и слева от которого стояли скамьи для пассажиров. Расстояние между смежными окнами не соответствовало расстоянию между скамьями. Скамьи, правда, были жесткими, длиной примерно три фута и глубиной фут и четыре дюйма. В вагоне помещалось почти сотня человек.

Когда поезд отошел от перрона, я сказал Джо:

– Ну что, братец, мы с тобой так и не увидели ни дерева, ни соломы. Так что, похоже, ни один из нас не выиграл...

Тот в ответ лишь невесело усмехнулся. Помолчав минут десять, он как-то странно посмотрел на меня и спросил:

– Джерри, а какого черта мы вообще сюда приперлись?

12 (24) августа 1854 года. Санкт-Петербург Генерал-лейтенант Людвиг Фридрих Леопольд фон Герлах, посланник короля Пруссии Фридриха-Вильгельма IV

Вчера вечером один из слуг фон Вертера, постучав, вошел в мой кабинет, где я беседовал с послом. Он вежливо поклонился и сообщил:

– Экселенц, прилетел почтовый голубь! – после чего протянул послу тоненькую костяную трубочку, в которой лежал маленький листок тонкой бумаги, исписанный колонками цифр. Узнав пометку на трубочке, я протянул руку и ска-

зал фон Вертеру:

– Князь, это мне. Герр посол, обождите меня здесь!

Тот послушно кивнул, хоть по выражению его лица было видно, как ему хочется знать, что написано в этом сообщении. Но мы, немцы, приучены к порядку, как и к тому, что неприлично совать нос не в свои дела. Ведь недаром у нас говорят: *Ordnung muss sein* – Порядок должен быть.

Обычно расшифровкой занимается мой ординарец, капитан Макс Кевич. Колоритная, между прочим, личность. Его отец был русским дворянином, который еще студентом во время визита в Кёнигсберг, проиграв в карты все, что у него было, поставил на кон первую половину своей фамилии. После потери и оной, он от стыда решил не возвращаться на родину, женился на местной и поступил на нашу службу. Его сын, Макс, был уже немцем до мозга костей, и при этом практически идеальным ординарцем – смышленным, инициативным, да еще и хорошо говорившим по-русски. А еще он знает французский и английский. Конечно, я предпочел бы взять его с собой, но он мне был нужен там, в Тильзите. Именно он и отправил послание, которое я сейчас держал в руках.

Я провозился с расшифровкой двадцать минут, но результат того стоил. Король согласился со всеми моими доводами, даже с теми пунктами, которые, как я считал, могли быть с ходу отринуты. Но когда я снова вышел к фон Вертеру, мое лицо было непроницаемо. Я протянул ему запечатанный

конверт:

– Герр посол, не могли бы вы отправить это послание в Зимний дворец?

– Нет ничего проще, герр генерал! Эй ты, бездельник, иди сюда! Передай это в Зимний, да поживее! – он посмотрел на меня и проворчал: – Герр генерал, эти русские ужасно ленивы и глупы. Никодим говорит по-немецки с ужасным акцентом, да и не столь расторопен, как настоящий немец! И они все такие. Какая варварская страна!

А я про себя подумал, что, может быть, действительно, зря прислали в Петербург этого молодого человека. Сословные границы, конечно, важны, но подобного рода высокомерие может оказаться фатальным, особенно если не знаешь, с кем имеешь дело. Ведь русский царь Петр приехал в Голландию вообще инкогнито, представившись плотником. А еще мне надоело бесконечное нытье – мол, опять идти в русскую церковь, у них там непозволительная роскошь – то ли дело наши церкви. К тому же у русских принято стоять. Да и еда тут, видите ли, не та, а на приемах ее слишком много. Хорошего мозельского достать тоже не так-то просто.

С последним я был согласен, но посол должен любить ту страну, в которую он направлен, или же как минимум с уважением относиться к ней. Иначе это может привести к проблемам и для него, и для державы, которую он представляет. Поэтому одно из моих предложений, на которое Его Величество ответил согласиём, было, несомненно, правильным.

И к человеку, чью кандидатуру я предложил королю, уже отправился Кевич.

Сегодня утром из Зимнего дворца пришел ответ на мое послание. В нем было написано: «Его величество будет рад увидеть вас сразу после молебна».

Молебен был назначен на одиннадцать утра, так что времени у меня было предостаточно. Мы с фон Вертером прогулялись по Невскому, а потом зашли в Казанский собор.

В отличие от посла, мне очень нравятся православные богослужения – интерьеры их церквей, облачения священников, запах ладана и особенно божественные звуки церковных песнопений. А перед Господом можно и постоять, ведь так же поступает и их император со свитой. Лишь для больных и немощных предусмотрено какое-то количество сидений.

Императора я увидел сразу, на Царском месте, которое находится у колонны справа от алтаря, метрах в двадцати, примерно там, где заканчивалось ограждение вокруг той части храма, где служат священники. Рядом с его гренадерского роста фигурой, в числе прочих царедворцев, стояли несколько человек в незнакомых мне мундирах с якорями на воротниках. Еще несколько десятков людей в похожей морской форме я заметил и в других местах огромного собора.

Молебен длился недолго, и сразу после него мы с фон Вертером подошли к Царскому месту. Увидев меня, император приветливо поздоровался и сказал:

– Господа, я очень благодарен вам за то, что вы соблаго-

волили присутствовать на молебне. Познакомьтесь – это капитан 1-го ранга Дмитрий Николаевич Кольцов, майор Иван Викторович Копылов и капитан Евгений Максимович Васильев.

Фон Вертер поздоровался с Кольцовым, а других офицеров высокомерно проигнорировал. Я еще раз подумал, что он действительно не на своем месте. Пока не на своем месте... Я посмотрел на фон Вертера и сказал:

– Герр посол, если хотите, можете следовать в посольство. У меня есть кое-какие дела...

– Герр генерал, а как же экипаж?

– Я прогуляюсь. Прекрасный город, да и погода хорошая.

Когда тот удалился, император сказал мне:

– Герр генерал, не могли бы вы прибыть ко мне в Зимний дворец, скажем, в час пополудни? А пока я предлагаю оставить вас в обществе капитана Васильева. Он неплохо говорит по-немецки, и именно он будет переводчиком при вашей беседе с капитаном 1-го ранга Кольцовым.

Я улыбнулся Васильеву:

– Капитан, хотелось бы прогуляться до Дворцовой площади по Невскому проспекту. Не составите ли вы мне компанию? У нас еще больше часа времени.

– Конечно, герр генерал, я полностью в вашем распоряжении! Я только отправлю экипаж к Зимнему. А когда вам будет нужно, вас отвезут обратно в посольство.

Если бы я не знал, что он русский, я бы подумал, что он

шваб или эльзасец – именно таким был его акцент. Улыбнувшись, я спросил его:

– Скажите, где вы так хорошо научились говорить по-немецки – в Вюртемберге, Бадене или Эльзасе?

– Мне, к сожалению, все никак не удается избавиться от швабского акцента, – ответил мой собеседник.

– Так откуда же он у вас?

– Я провел полгода в школе недалеко от Штутгарта, герр генерал. Конечно, это было давно, но языки мне даются легко.

Я хотел было расспросить про его молодость, подумав, что таким вот образом смогу хоть немного приблизиться к разгадке тайны их эскадры. Но не успел я открыть рот, как до меня донеслись звуки духового оркестра. Сначала он сыграл российский гимн, который исполнила колонна людей в той самой необычной морской форме. Конечно, пели не профессиональные певцы, но у них все равно получалось неплохо. Потом гимн закончился, и зазвучала незнакомая мне торжественная мелодия. Не марш, скорее похоже на вальс, но мне понравилось больше иного марша.

Я немного знал русский язык, но слова песни мне разобрать не удалось. Тогда я спросил у моего Вергилия³, о чем поют эти люди. Тот перевел мне первую строфу песни:

Steh auf, du riesiges Land, steh auf auf einen Todeskampf

---

³ Вергилий был проводником Данте в «Божественной комедии».

Mit der englischen dunklen Macht, mit der französischen
Horde,
Möge unser edler Zorn aufkochen, wie eine Welle,
Es läuft ein Volkskrieg, ein heiliger Krieg.

«Да, – подумал я про себя, – как точно все сказано – английская темная сила и французская орда, хоть и те и другие считают себя вершиной мировой цивилизации».

А вслух сказал:

– Герр капитан, надеюсь, что про нас, пруссаков, да и про весь немецкий народ, таких песен вы сочинять не будете...

Тот посмотрел на меня с загадочной улыбкой и, покачав головой, ответил:

– Герр генерал, я надеюсь, что наши с вами народы всегда будут друзьями. Вы же знаете, что русские – не англичане, и наше кредо – дружить со всеми и воевать только тогда, когда нас к этому вынуждают. Ведь сказано в Священном Писании: «Взявшие меч, мечом погибнут».

– Англичане и французы, пришедшие на Балтику с мечом, убедились в этом на своей собственной шкуре, – согласился я.

– Именно так все и было, герр генерал, – сказал мой собеседник. Но он не стал вдаваться в детали, которые я надеялся от него услышать. Вместо этого он вдруг указал рукой на Невский проспект, по тротуару которого брела колонна людей в мундирах офицеров британского королевского флота, сопровождаемых конными казаками и солдатами.

— А вот и те самые люди, которые совсем недавно намеревались позавтракать в Кронштадте, а пообедать в Зимнем. Но список их побед оказался на удивление коротким. Уничтожить они успели всего лишь одну башню на Бомарзунде и с полдюжины рыбацких лодок.

Я усмехнулся — похвальбу адмирала Непира напечатали и в наших газетах. Да, «английская сила темная», невесело вам теперь...

И вдруг меня как словно током ударило — так, значит, англичан и французов не просто разбили, а разгромили практически без потерь?! Крупную эскадру двух лучших флотов мира и двенадцатитысячный экспедиционный корпус?! Нужно срочно сообщить Его Величеству — с этими русскими нужно жить в мире!

12 (24) августа 1854 года. Санкт-Петербург Капитан ФСБ Васильев Евгений Максимович

Ну вот, так всегда. Кому-то идти на бал в парадной форме, флиртовать там с прелестницами из высшего света и покорять их своим танцевальным мастерством. А кому-то эту самую парадную форму оставлять на вешалке и бежать по совсем другим делам. Покой нам, блин, только снится...

Позавчера вечером мой шеф, майор Смирнов, сообщил мне весьма интересные сведения. Как оказалось, одна из наших журналисточек, некая Лизавета Бирюкова, заходила к поляку из французской армии, которого наши «айболиты» заштопали после поножовщины с французами (чуть случай-

но не назвал его «изделием № 2», которое, как я слышал, тоже когда-то штопали). Увидев, что он дрыхнет после наркоза, эта мамзель пересняла на айфон несколько страниц из его блокнота.

Сия особа уже давно попала в наше поле зрения из-за своих беспорядочных половых связей. Это, впрочем, еще не криминал, и привычка к спариванию с кем попало распространена среди людей творческих профессий. Хотя лично я считаю это просто распутством. А вот то, что она пару раз занималась любовью с видными «демократами» обоих полов, как отечественными, так и импортными, которые весьма интересовали наших коллег из СВР, мне нравилось еще меньше. Но на берегу все это не сочли препятствием для ее заморского вояжа на «Смольном» и «Королеве». Видимо, у этой шалашовки имелись влиятельные покровители.

А застукал ее курсант ВМА Александр Николаев, который в тот момент замещал свою начальницу Елену Синицыну и время от времени посматривал на монитор камеры наблюдения, чтобы наблюдать за пациентами. Так получилось, что он зафиксировал тайный визит Лизаветы к недорезанному поляку и сразу передал информацию по инстанциям. Вскоре к пану заглянул один из наших ребят и тоже сфоткал страницы его блокнота.

Там имелось два десятка адресов – в Париже, Варшаве, Кракове, Минске и Петербурге. Вот последние, питерские, мне Игорь Борисович и передал для дальнейшей разработки.

Ситуацию делал пикантным тот факт, что, зациклившись на Королевском канале, мы упустили из виду существование второго водного пути «из варяг в греки» – Березинского, целиком проходившего по российской территории – из Западной Двины в Березину. Самым же интересным было то, что у этого канала глубина превышает два с половиной метра, тогда как у Королевского канала глубины местами были не более восьмидесяти сантиметров. А это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

О нашем плане послать небольшой караван по Королевскому каналу Лиза знала. А о втором варианте, над которым мы только начали работать, ее коллег-журналистов оповещать не стали. Тем более что риск нарваться на неприятности, двигаясь по Королевскому каналу, был вполне реальным. В тех краях во время мятежа 1831 года орудовали крупные отряды шляхтичей, и там еще до сих пор оставались ляхи-недобитки. А вот в районе Березинского канала обстановка более благоприятная.

За несколько часов до звонка Игоря Борисыча император представил меня шефу III Отделения Собственной Его Величества Канцелярии графу Алексею Федоровичу Орлову. Граф оказался весьма интересной личностью. Похоже, что Николай намекнул ему о нашем необычном происхождении.

Поэтому он ничуть не удивился, когда я заявил, что моя задача – помочь его «богоугодному заведению», поелику это возможно, в борьбе с врагами внешними и внутренни-

ми. Граф познакомил меня с жандармским штабс-капитаном Николаем Львовичем Новиковым и велел ему оказывать нам всю требуемую помощь. Мы с ним быстро нашли общий язык. Похоже, что граф прикомандировал к нам настоящего профессионала. И после звонка шефа, когда я назвал ему оба адреса, обнаруженные в блокноте у поляка, штабс-капитан не моргнув глазом заявил:

– Анджей Коморовский мне лично незнаком, но не далее как вчера мне о нем докладывали. Он работал в канцелярии его величества, а вечером пятого числа заявил на службе, что у него заболела тетя в Новгороде, и что он покинет город на два-три дня. Когда же по прошествии двух-трех дней он так и не объявился в Петербурге, на службе забеспокоились. Они поговорили с его знакомыми и узнали, что никакой тети в Новгороде у него нет. О чем и сообщили в III отделение. Тем более что исчез он сразу после того, как пришло известие о разгроме неприятеля у Свеаборга.

– Так... Действительно, очень интересно. В тот же вечер снялась с якоря неприятельская эскадра у Красной Горки, которую мы надеялись заблокировать в заливе. Не он ли сообщил им о том, что пора спасаться?

– А что, они разве ушли? – с плохо скрываемым огорчением спросил Николай Львович.

– Да нет, их настигли у Ревеля и заставили сдаться. Всех ли – точно я не скажу. Но интересно другое – первая же фамилия в списке принадлежала вероятному изменнику. А

вторая фамилия, Адам Ольшевский, вам знакома?

– Поручика Ольшевского я знаю лично. Он служит в лейб-гвардии Кексгольмском полку. На меня лично он производит странное впечатление – душа компании, любит выпить, умеет рассказать анекдот, неплохо играет в карты. Но у меня такое впечатление, что он не всегда говорит то, что думает. Фактов у меня нет, только чувствую я, что он какой-то фальшивый...

– Внутреннее чувство в нашем деле – великая вещь, – усмехнулся я.

На фасады обоих зданий, где жили подозреваемые в измене поляки, мы сумели установить камеры наружного наблюдения, да так, чтобы была видна входная дверь. Но увидеть сами камеры было сложно, тем более что они были похожи на детали облицовки. Еще два радиомикрофона люди штабс-капитана Новикова ухитрились разместить в квартире, которую снимал Адам Ольшевский, заявившись туда под видом трубочистов. Пока один осматривал печи и дымоходы, второй, как мы его учили, незаметно сунул «жучок» на книжную полку. Как сказал потом исполнитель, он увидел, что на книгах лежит толстый слой пыли, и, следовательно, хозяин квартиры вряд ли скоро обнаружит «закладку».

Забавно было, что когда вечером мы решили протестировать радиомикрофон, то в наушниках слышали звуки, характерные для эротических сцен. Я дал наушники штабс-капитану, который густо покраснел и осуждающе покачал голо-

вой. На мониторе мы вскоре зафиксировали, как из подъезда дома, в котором жил Ольшевский, вышла нарядно одетая пышнотелая женщина средних лет. Николай Львович, увидев ее, даже присвистнул от удивления.

— Да это же супруга посланника Австрии! — воскликнул он. — Ай да Ольшевский, ай да сукин сын...

А вчера вечером на Коломенскую улицу, где снимал квартиру Коморовский, заявила наша Лизавета. Служанка, открывшая ей дверь, сообщила, что пан Коморовский в отъезде, и неизвестно, когда вернется. Вероятно, из-за того, что было уже поздно, она в этот вечер не посетила Ольшевского. Так что на следующий день мы с нетерпением ждали ее на Фонтанке, где в своей квартире жил и занимался развратом поручик Адам Ольшевский. По нашим расчетам, randevу должно состояться еще до официального приема в Зимнем, назначенного на шесть часов вечера. Вряд ли Лиза захочет пропустить это событие. И не только из-за того, что там будут интересные мужчины, но и потому, что ее отсутствие будет замечено другими. А она, как я понял, если и дура, то не настолько.

Новиков заступил на пост с утра, а я подошел к нему после разговора с фон Герлахом. За мое отсутствие никого не было — ни Ольшевского, ни Лизы. Она подошла около четырех часов и, оглянувшись, нырнула в дверь дома на Фонтанке. Ей открыла горничная, которая сообщила, что барина еще нет. Лиза ответила, что, мол, зайдет попозже, и вышла на Фон-

танку, где остановилась у спуска к воде. Со скучающим выражением лица она стала наблюдать за мужиками, которые разгружали пришвартованную к пристани баржу.

Вскоре появился Ольшевский, а еще минут через двадцать Лизе, похоже, надоело смотреть на работу питерских пролетариев и она снова направилась к подъезду дома поручика. На сей раз служанка пригласила ее пройти в прихожую. Вышедший из гостиной Ольшевский, увидев незнакомку, удивленно спросил ее:

– Простите, сударыня, но я не имею чести вас знать...

– Господин поручик, – сказала Лизавета, – я к вам от Ежи Домбровского из Парижа.

Голос Ольшевского из игривого стал испуганным:

– Кто вы такая? И откуда вы знаете Ежи?

– Я с новой русской эскадры, той самой, что разгромила англичан и французов. А Ежи сейчас в плену, я его там и видела. Он тяжело ранен.

– Пся крев, – выругался Ольшевский и после паузы спросил: – А что он вам велел мне передать?

– Он – ничего, он всего лишь дал мне ваш адрес. А вот я могу рассказать вам много интересного. Но у меня есть кое-какие, скажем так, пожелания.

– Какие же?

– Во-первых, я хочу попасть в Париж. Во-вторых, я хочу получить определенную сумму, и не в рублях, а во франках, – тут, видимо, она что-то шепнула на ухо поручику, от-

чего тот крикнул и еще раз выругался по-польски.

– В-третьих, то, что я вам сейчас поведаю – лишь малая толика того, что я знаю. Самое интересное я расскажу в Париже.

Пан Адам подумал немного и кивнул:

– Хорошо, подобную сумму я смогу для вас добыть, скажем, завтра. Но хотелось бы узнать хоть что-нибудь, ведь...

– Ведь главный здесь не вы, и деньги не у вас, я вас правильно поняла?

Ольшевский немного помолчал, а потом сказал:

– А если и так?

– Тогда я хотела бы встретиться с вашим главным. А чтобы его заинтересовать... Вскоре через Вислу и далее по Королевскому каналу пройдет небольшой караван, с которым на юг проследуют люди с моей эскадры. Думаю, то, что там будет находиться, сможет вас заинтриговать.

– Когда? Сколько кораблей? Сколько солдат? Какой груз?

– А вот об этом я расскажу только вашему шефу.

– Хорошо, я схожу к нему сегодня вечером. Полагаю, что завтра часа в четыре пополудни мы сможем вместе его навестить. А как вас прикажете величать? Вы ведь даже не представились.

– Елизавета, – сказала она. – Фамилию вам знать пока не обязательно.

На этом интересующий нас разговор закончился. Лиза жеманно попросила бокал шампанского, а еще минут через де-

сять раздался характерный скрип кровати. Продолжался, он, впрочем, не более минуты, после чего явственно послышались стоны гордого поляка. А еще минут через пять Лизонька вылетела из парадной и, судя по выражению ее лица, она осталась недовольна любовным мастерством нового знакомого.

12 (24) августа 1854 года. Петербург, Гвардейский экипаж Капитан 1-го ранга Кольцов Дмитрий Николаевич

Праздничная шумиха продолжалась, но нам надо было подумать и о насущных делах. А именно – как собрать и экипировать группу, которая отправится в Крым по Королевскому каналу. Тут были свои сложности.

Когда я рассказал императору о наших планах, он весьма удивился:

– Дмитрий Николаевич, а чем вас не устраивает Березинский водный путь? Там глубины поболее – восемь с половиной футов, и не нужно проходить через прусские воды. Вы опасаетесь польских бандитов? Так по Королевскому пути риск стать их жертвой гораздо больше. А на Березине все тихо и спокойно.

Пришлось мне, к стыду своему, признаться императору, что мы про него просто забыли. Зато когда я обсудил это с ребятами из спецслужб, майор Смирнов с ходу предложил комбинацию. «Королевская» группа будет отвлекающей. Ее задача – привлечь к себе внимание наших оппонентов, которые наверняка попытаются уничтожить всех, кто будет сле-

довать по территории бывшего Царства Польского.

Я не сомневался, что англичане и французы уже пронюхали о нашем намерении пройти по Висле, через Королевский канал и Днепр. Ну, не поверю я, что у пруссаков не окопался британский или французский шпион. Да и у императора наверняка тоже имеются те, кто за скромное вознаграждение сливает информацию врагу. Так что, вполне вероятно, в Париже и Лондоне уже знают о наших планах. Не обо всех, но о тех, что касается перехода через территорию Пруссии – наверняка. А тут еще и у нас вычислили «крота», точнее «кротиху».

Если все это так, то за нашими ребятами будут следить от самого Данцига, и при первом же удобном случае нападут на них. Скорее всего, сделают они это с помощью поляков, которые и после ликвидации Царства Польского носятся с идеей возрождения Речи Посполитой «от можа до можа», как шавка с привязанной к хвосту консервной банкой. Скорее всего, будут там и советники из Франции или Англии, которые сами в драку не полезут, а станут со стороны наблюдать за происходящим.

Я ни капельки не сомневался, что наши спецы сумеют отразить нападение. Но, учитывая, что наверняка оно будет внезапным и коварным, они сильно рискуют. Что-что, а ляхи и их союзники – люди бессовестные, и считают, что обмануть «клятых москалей» – дело богоугодное и не противоречит их понятиям о шляхетской чести.

Тем временем подполковник ГРУ Березин и майор Смирнов, которые прекрасно сработались, несмотря на соперничество между их конторами в XXI веке, начали планировать будущую операцию. Ведь тут моих, чисто морских знаний, маловато будет. А им – и карты в руки.

– Дмитрий Николаевич, – задумчиво произнес Березин, – во многом все будет зависеть от того, на чем и какими силами наши ребята отправятся в Крым. Одно дело – караван, состоящий из десятка или более барж и плотов, на которые можно погрузить до роты морпехов, несколько бэтээров, боеприпасы и амуницию. В случае необходимости они могут разнести вдребезги не только толпу польских недобитков, но и полк регулярных войск Англии или Франции. А если группа будет немногочисленной, то, соответственно, огневая мощь ее будет поменьше, и тогда нужен более качественный отбор бойцов.

– Насчет предстоящего похода среди царского окружения уже идут разговоры, – вступил в разговор майор Смирнов. – Я тут познакомился со здешними «чекистами». Что бы там про них ни писали, работу свою они знают и кое-какой информацией обладают. Я бы не стал торопить события, но полагаю, что через день-два сообщу вам немало любопытного. Что же касается предполагаемого состава отряда, который отправится на юг через Королевский канал, то, как мне кажется, состоять он должен из двух отделений морпехов, до взвода охотников-финнов и шведов, с которыми мы уже вза-

имодествовали у Бомарзунда, пары наших «ихтиандров», ну и по представителю от наших с Андреем Борисовичем ведомств. От ФСБ я хочу отправить старшего лейтенанта Филиппова. Павел Владимирович хоть и молодой, но хваткий, к тому же хороший стрелок и рукопашник. Дадим ему возможность проявить себя. Корабли каравана будут поддерживать постоянную радиосвязь с Питером. Если что, мы сумеем помочь им информацией. Ведь не надо забывать, что Филиппову придется с ходу налаживать агентурную работу, чтобы обеспечить безопасность прохождения каравана.

Подполковник Березин, внимательно слушавший майора Смирнова, полностью согласился с ним и предложил от его конторы отправить с караваном старшего лейтенанта Самохвалова. Несмотря на молодость, он уже получил боевой опыт в одной из сопредельных стран. Насчет морпехов мы сообща решили, что пусть их командир Сан-Хуан лично отберет две дюжины своих бойцов, которые, по его мнению, справятся с поставленными перед ними задачами.

Я сказал, что император хочет отправить с нашим караваном своего флигель-адъютанта Шеншина. Он уже приготовил для него грозный мандат, с помощью которого Николай Васильевич, при необходимости, может строить любое должностное лицо империи, до губернатора включительно. В свою очередь, я посоветовал царю, чтобы тот дал поручение Шеншину лично отобрать из числа аландских «охотников» нужное количество стрелков, снабдить их трофейными

штуцерами и пулями системы Минье и Тувена. Зная их меткость, я не сомневался, что «горячие финские и шведские парни» дадут достойный отпор полякам.

Из корабельного состава мы решили взять патрульный катер проекта 03160, именуемого также «Раптором». Этот небольшой кораблик: длина – 17 метров, ширина – 4 метра, осадка – 0,9 метра (при полной загрузке, но мы его облегчим по максимуму) по Королевскому каналу пройти должен. Несмотря на свои размеры, катер развивал скорость до 48 узлов, а обшивка и остекление его выдерживали попадание пуль здешнего огнестрельного оружия. Помимо двух членов экипажа, он мог взять на борт до двух десятков бойцов. В случае необходимости катер может открыть по врагу с расстояния двух километров прицельный огонь из боевого модуля «Управа-Корд», состоящего из пулемета КПВТ калибра 14,5-мм. Кроме того, на вертлюги можно установить два пулемета «Печенег». С полной заправкой «Раптор» пройдет до 300 миль экономическим ходом – около 550 километров. Но большую часть пути он пойдет на буксире колесного парохода.

Из транспорта мы решили взять один броневедомитель «Тигр». Он свободно держал пули, выпущенные из здешних пистолетов и ружей, а со своим АГСом и пулеметом на крыше он мог качественно проредить мятежных панов. Кроме того, из той же «венесуэльской коллекции» мы решили прихватить два мотовездехода или, проще говоря, «квадрика».

Эти машинки могли преодолеть любое бездорожье, несли двух бойцов и были вооружены пулеметом «Печенег» или АГС. Этакая «тачанка» для «вежливых людей».

Помимо десантников и особистов, мы решили послать и гражданских: тележурналиста Николая Домбровского с помощником. Не забыли мы и медицинское обеспечение экспедиции. По совету капитана Сеницыной в Крым отправится курсант ВМА Александр Николаев. Паренек сведущ не только в медицине – Елена Викторовна хвалила его, и сказала, что молодой человек – почти готовый врач, к тому же он внимателен и наблюдателен. Именно он сумел вычислить «кротиху» в наших рядах.

Услышав про «кротиху», Смирнов покачал головой.

– Я догадывался, что хотя бы один иуда найдется в нашем коллективе. Считаю, что нужно и далее держать ухо востро. Люди-то разные, и кое-кто может не выдержать и пойдет сдавать нас всех за британское или французское золото.

– А что у нас с двумя другими, основными караванами? – поинтересовался подполковник Березин. – Не пора ли формировать их и готовить технику к дальнему путешествию?

– Пора, Андрей Борисович, пора, – я тяжело вздохнул. – Хотя, при всем желании, мы не успеем оказаться в Крыму до высадки англо-французского экспедиционного корпуса. Но пусть высаживаются. Все равно Севастополя им не видать. Первым в бой у нас пойдет «Королевский» отряд. Кстати, после разгрома британцев на Балтике, можно перебросить на

юг часть войск, которые до того стояли на границах с Пруссией и Австрией, а также из Финляндии. Я говорил на эту тему с императором, и он согласился со мной. Посмотрим, как долго еще продлится эта война, но можно сказать лишь одно – Россия в ней не будет побеждена!

12 (24) августа 1854 года. Екатерининский дворец в Царском Селе Капитан Елена Викторовна Синицына, военврач

Утром двадцать первого числа я, как обычно, проводила обход. В числе прочих навестила и новою подопечную, возможно, будущую супругу моего друга Коли Домбровского, девицу Мейбел Катберт. Пришлось выслушать все те же причитания и сопли... В конце концов, я доступно объяснила ей, что Ника пока нет, и непонятно, когда он будет. А также то, что он не знает, что она, видите ли, переменила к нему отношение.

«Ох, свалилось мне на голову это заокеанское чудо», – подумала я. Но Мейбел, вытерев слезы, спросила у меня:

– Лена, а могу ли я тоже научиться тому же, что и ты? Ну, стать врачом? Нас ведь кое-чему учили в школе в Саванне.

Я с удивлением посмотрела на нее:

– Мейбел, а зачем тебе это нужно?

– Хочу остаться в России. Хочу, чтобы муж меня уважал. Хочу, в общем, быть, как ты! Ну, или хоть для начала медсестрой...

«Эх, милая, – подумала я, – сначала захомутай того, кого ты хочешь. Мы еще посмотрим – выйдет ли что у вас или

нет».

Вслух же сказала:

– Мейбел, тогда тебе следует начать с изучения русского языка. Я принесу тебе учебник, а позаниматься с тобой попрошу кого-нибудь из моих девочек. А там посмотрим. Все равно тебе для работы понадобятся обе руки, так что время еще есть.

Девушка бросилась ко мне на шею, обняв ее, понятно, одной рукой. Я еле сумела отбиться от нее и продолжить обход. Ну и, вернувшись, собралась сходить пообедать. А потом зайти в библиотеку – вроде там я видела какие-то учебники, бог знает, как там оказавшиеся. В этот момент ко мне зашел Юра Черников-младший с рацией в руках. Глаза у него были размером с блюдца.

– Лен, тебя капитан Васильев спрашивает! И еще...

Что еще – он сказать не успел, – я взяла у него рацию, хотя и с некоторой опаской. С Васильевым мы познакомились пару дней назад. Парнем он мне показался хорошим, хотя, конечно, его должность меня немного напрягала. Так что ответила я ему вполне дружелюбно, но чуть настороженно:

– День добрый, Евгений! Что случилось?

А он отвечает, как сказал один бард, «не в такт»:

– Елена Викторовна, с вами желает переговорить его величество император Николай Павлович! Передаю ему трубку.

Я непроизвольно приняла строевую стойку и приветство-

вала царя:

– Здравия желаю, ваше императорское величество!

– Здравствуйте, госпожа капитан! Или может правильное капитанша? Вы уж извините меня – к вашим званиям я еще не привык, так что не обижайтесь, если что-то скажу не так. Ведь у нас женщины не служат в армии, разве что девица-кавалерист Надежда Андреевна Дурова...

– Ваше величество, вообще-то правильно будет «госпожа капитан», но будет проще, если вы будете называть меня просто Еленой Викторовной.

– Ну, вот и отлично, – с облегчением выдохнул император, – Елена Викторовна, у меня к вам большая просьба. Ее императорское величество Александра Федоровна уже давно больна чахоткой. Мне рассказали, что вы – лучший врач на всей эскадре. Не могли бы вы осмотреть мою супругу?

– Ваше величество, туберкулез – так мы, врачи, именуем чахотку – болезнь вполне излечимая. Все зависит от стадии заболевания. Я помню из нашей истории, что ей с этой страшной болезнью удалось прожить еще шесть лет. Но поставить точный диагноз и назначить курс лечения я смогу только после осмотра больной. Возможно, что ее придется госпитализировать к нам на «Смольный».

– Елена Викторовна, ее величество сейчас находится в Царском Селе. Не могли бы вы посетить ее там?

Я прикинула – недавно нам передали с «Надежды» переносной флюорограф в ящичной укладке. Запас лекарств

имеется. К тому же здешние люди еще не знакомы с антибиотиками, значит, резистенции к ним не будет. А насчет транспорта, флюорограф – шесть упаковок по 80 кг каждая – вполне поднимет вертолет. Смонтировать его могут два человека всего за час. И я ответила:

– Ваше величество, я смогу прибыть к ней сегодня вечером. Нужно будет только договориться насчет транспорта. Меня будут сопровождать две курсантки Военно-медицинской академии – думаю, лучше, если при осмотре мне будут ассистировать именно женщины – и два молодых человека, которые обеспечат работу наших приборов. Одна из девушек, Александра Бошман – русская немка, и хорошо знает немецкий язык. Ведь, как я помню, императрица говорит именно по-немецки?

– Елена Викторовна, моя супруга – русская, – император даже немного обиделся, – и русскому языку ее учил сам Василий Андреевич Жуковский. Но пусть ваши помощницы будут рядом с вами. Как только я прибуду в Петербург, то сразу же пошлю гонца в Царское Село. Благодарю вас, Елена Викторовна!

Потом все понеслось в темпе даже не вальса, а квикстепа. Надо было назначить человека, который в мое отсутствие присматривал бы за больными и ранеными, ввести курсантов в курс дела и приготовить все, что нам могло понадобиться... Да и про учебник для Мейбел я не забыла, и даже учительницу ей нашла, правда, не среди своих, а подружку Жени

Лифанова, одного из техников, у которой, как выяснилось, есть опыт преподавания русского языка иностранцам.

Я так закрутилась, что перекусить времени уже не оставалось – мы отправились голодными, в расчете на то, что во дворце нас накормят. В семь часов вечера мы приземлились, подняв тучу пыли, на Треугольной площади рядом с Екатерининским дворцом. Императрица лично встретила нас у входа во дворец в окружении фрейлин. Меня поразила ее изможденный и усталый вид. Но держалась она молодцом.

Нам выделили, как я и просила, кабинет на первом этаже и прилегающие к нему покои. В трех поселились мы, в трех других поставили кровати: в одном – для императрицы, в двух других – для прочих пациентов, буде таковые появятся (в чем я ничуть не сомневалась). Еще в двух мы устроили небольшую лабораторию и кладовку.

Девушки начали обустраивать кабинет, парни – налаживать оборудование. В качестве источника электроэнергии мы использовали небольшой дизельный генератор, который установили под окнами первого на Руси флюорографического кабинета, а силовой кабель просунули в окно.

С Марией Федоровной мы уединились в соседней комнате, где я начала оформлять историю ее болезни. Саму флюшку и некоторые другие анализы я решила сделать, как только для этого все будет готово.

С языком у нас проблем не было, как и предупредил император. Императрица говорила по-русски отлично, лишь по-

рой в ее речи чувствовался небольшой акцент. Так что помощь Саши Бошман мне не понадобилась.

Когда мы закончили беседу, императрица вдруг спросила:
– Елена Викторовна, скажите мне правду – вы откуда?

Я замялась, и она продолжила:

– Государь мне ничего не сказал, но мне кажется, что вы из другого мира. Ваш вертолет – так император назвал ваше воздушное судно, ваши железные корабли – это все явно сделано не в этом мире. Но главное – вы и ваши люди. Они совершенно не похожи на окружающих – простые в обращении, не испытывающие трепет перед сильными мира сего, знающие свое дело... А еще вы – женщина, и в то же время главный врач вашей эскадры. И, по словам государя, самый лучший.

– Ваше величество, – улыбнулась я, – насчет «лучшего» – это весьма спорно. Курсант Черников, например, уже сейчас ничем мне не уступает. А вот насчет нашего происхождения... Только об этом должны знать немногие.

– Хорошо, Елена Викторовна, я вам обещаю, что все сказанное вами не узнает ни одна живая душа.

– Ваше величество, мы прибыли сюда из 2015 года.

Услышав это, императрица побледнела, насколько это было возможно, а потом неожиданно спросила:

– Елена Викторовна, а вы замужем?

– Да, ваше величество. Муж мой был морским офицером, и я его встретила на стажировке. А потом занялся бизнесом

– то есть стал предпринимателем, – тогда офицерам платили небольшое жалованье. Жили мы неплохо, и у нас двое детей. Вот только все они остались в будущем, и похоже, что навсегда...

Тут Александра Федоровна сделала нечто, чего я совершенно от нее не ожидала. Она встала, подошла ко мне и обняла меня за плечи.

– Бедная... Да хранит их Господь!

– Ваше величество, большое спасибо! Но они – там, а я – здесь... И моя задача, как я ее вижу – сделать все, что я могу для моей родины. Ведь Россия – она и есть Россия, хоть в XXI веке, хоть в девятнадцатом.

Тут в дверь кто-то вежливо постучал. Вошла Саша Бошман и сказала:

– Ваше императорское величество, Елена Викторовна, оборудование подключено и протестировано. Можно делать снимок.

Состояние легких императрицы оказалось далеко не безнадёжным. Одно из них было в весьма плачевном состоянии, но другое выглядело неплохо. Патологий, не связанных с туберкулезом, я не нашла. Рассказав об этом пациентке, я добавила:

– Ваше величество, мы сделаем все, чтобы вас вылечить. Вот только жить вам лучше там, где воздух получше и почище.

– Да, мне об этом уже говорили. Обыкновенно я провожу

как можно больше времени на Лазурном берегу. Вот только сейчас из-за войны это невозможно...

– Ваше величество, насколько я знаю, два года назад стараниями государя в Ореанде было закончено строительство дворца. После того, как на Черном море закончатся боевые действия – надеюсь, это произойдет скоро, – я бы посоветовала вам отдыхать там. А пока вам лучше выехать куда-нибудь на Балтику, например, на Слокский берег. Там сосны, море – то, что вам нужно для восстановления организма... А я или мои люди будем к вам постоянно наведываться. Кстати, когда война закончится, в Ореанде будет ничуть не хуже, чем на Лазурном берегу. В нашем времени я успела побывать и там, и там.

Так и началось мое пребывание в прекраснейшем из дворцов Петербурга и его окрестностей. Но насладиться его красотами у меня времени практически не было – мы все крутились, как белки в колесе. Через два дня я покинула Царское Село, оставив там Сашу Бошман и Веню Истомина, одного из мальчиков-техников, твердо пообещав царице наведываться к ней не реже чем раз в три дня.

13 (25) августа 1854 года. Финский залив у Кронштадта, борт учебного корабля «Смольный» Мейбел Эллисон Худ Катберт

Часа через два после моего разговора с доктором Леной ко мне в дверь постучали.

– Войдите, – сказала я, подумав, что если уж посетителя и

пропустили, то, значит, ему можно. То, что это не Ник, было ясно сразу – стучали очень осторожно, я подумала, что это явно девушка.

И не ошиблась. Вошла немного полная блондинка в форме, примерно такой же, которую я видела на других девушках. Меня обрадовало, что, в отличие от доктора Лены, она была если не дурнушкой, то никак не красавицей, так что соперницы в ней я не увидела. Та сказала по-английски почти правильно, но с сильным акцентом:

– Здравствуйте, Мейбел. Меня зовут Лариса Егозина. Я курсант Военного института. Елена Викторовна попросила меня позаниматься с вами русским языком, а также любыми другими предметами по вашему выбору.

– Здравствуйте, Лариса. Я очень вам благодарна. В свою очередь, я могу позаниматься с вами английским. Конечно, наш английский – немного другой, но нас учили аристократическому произношению на женских курсах.

– Здорово! Я как раз хотела вас попросить об этом, – и она выложила на стол стопку книг из сумки. – Вот это – русско-английский и англо-русский словарь. Это – пособие для медицинских сестер и школьные учебники по математике и химии. Они на английском языке. Учебники по физике и биологии, увы, на иностранных языках я не нашла, но мы что-нибудь придумаем.

– Подождите, Лариса, а зачем мне физика и химия?

– Но ведь вы высказали Елене Викторовне желание стать

врачом. Тогда вам необходимо знать эти науки. И особенно органическую химию, но этим мы займемся потом. А вот с чисто медицинскими делами я вам помочь не смогу – я учусь на программиста – это что-то вроде инженера, – добавила она, увидев, что слово «программист» мне не знакомо.

Я даже не стала удивляться, что девушка – будущий инженер, хотя у меня и промелькнула мысль, что моей маме это тоже бы не понравилось. Ведь она считает, что работать должны только служанки и рабыни. Но для меня это означало, что Лариса действительно знает толк в науках. И если мне нужно учить эти науки, то мне повезло с выбором учителя.

На женских курсах у нас не было отдельных наук. А вот арифметика с алгеброй и нечто, именуемое «природными науками», были. И я получала лучшие оценки среди моих соучениц по этим предметам. Наук я не боялась. Но, открыв учебник по химии, остолбенела. Первое, что я там увидела – какая-то непонятная таблица, в которой с удивлением узнала названия известных мне веществ (водород, кислород, железо и прочие), с непонятными цифрами, большими и маленькими. А в самом тексте были сплошные формулы. Но я сжала зубы и приказала себе – только вперед!

Мы с Ларисой договорились – сначала она со мной час занимается русским. Потом я с ней час – английским (она принесла еще и грамматику английского, и несколько книг, в основном про любовь – такие, которые мне и самой нравились...). А затем – математикой и химией, по принесенным

ей учебникам.

Русский язык оказался довольно сложным, но алфавит я усилием воли выучила уже к концу второго дня. И когда мне Игорь принес поесть, я огорошила его своими «привет», «спасибо большое» и «до свидания», которые я каким-то образом ухитрилась относительно правильно произнести. И не могло не радовать, что, несмотря на полученный шок при первоначальном изучении учебников, оказалось, что математика и химия давались мне весьма легко, и я за два вечера смогла не только прочитать первые несколько глав в каждой книге, но и правильно ответить на все вопросы.

Конечно, как сказала Лариса, для химии мало сухих знаний – нужно поработать с реактивами, поставить опыты. Но для этого необходимы обе руки. Но мне и так скучно не было. Тем более что математика оказалась столь увлекательной, что я даже не стала смотреть ни один из принесенных мне фильмов, и к вчерашнему вечеру уже прочитала более половины учебника. Я больше не боялась ни квадратных уравнений, ни площади круга и треугольника, ни простых чисел. Лариса мне с улыбкой сказала, чтобы я не слишком торопилась – других учебников по математике на английском на корабле нет, и я решила дать наукам отдохнуть и засесть за учебник для медсестер.

Тут, конечно, пришлось немного краснеть – там были не только картинки, но и фотографические изображения полностью обнаженных мужчин и женщин. Когда я на это пожа-

ловалась, Лариса с улыбкой сказала мне, что людей в одежде лечить трудно, а мужские, и особенно женские половые органы нужно лицезреть как при лечении, так и, в случае с последними, при родах. Когда я ей возразила, что, мол, у нас врачи их только ощупывают, а женщины при этом задрапированы, она спросила – какой у нас процент женщин, умерших при родах. Я не знала, но, увы, это случалось довольно часто, как минимум в одном случае из двадцати, а то и больше⁴. А у них – не чаще одного случая из пяти тысяч. Пришлось признать правоту собеседницы...

А еще я переговорила с отцом Иоанном, священником, который вышел в дальний поход на корабле «Королев». Он заглянул на «Смольный», чтобы побеседовать с моряками и исповедовать желающих. Зашел он и в лазарет. Я спросила его: что мне потребуется для того, чтобы перейти в православие – если я выйду за Николаса или за другого русского, то мне хотелось бы принять веру супруга. Оказалось, что надо не так уж и много – англиканин заново креститься не обязан, нужно всего-навсего пройти через исповедь и миропомазание, а потом причаститься. Отец Иоанн спросил мое имя и, узнав, что я Мейбел Эллисон, долго думал, а потом сказал:

– Дочь моя, если ты решишь принять православие, то предлагаю тебе принять крестильное имя Мавра – ближе к Мейбел ничего нет. Или, если хочешь, возьмем Эллисон за

---

⁴ На самом деле 6–7 % родов кончались летальным исходом для матери.

основу, и тогда ты сможешь стать, например, Аллой. Или Еленой.

Имя Алла мне понравилось больше других. Но еще неизвестно, останусь ли я здесь или вернусь домой, в Саванну. Так что я решила пока повременить с переходом в новую веру, хотя начала читать принесенную отцом Иоанном книгу епископа Каллистоса Уэра, «Православная церковь». Из предисловия я узнала, что епископ Уэр тоже перешел в православие из англикан, и подумала, что это – некий знак свыше.

Меня вдруг осенило, что жизнь южной барышни на родине мне покажется невыразимо скучной, а над ученым-женщиной в наших краях будут только смеяться. Так что, решила я, назад дороги нет...

А еще мне позволили навестить брата. У Джимми и рука, и нога были в гипсе, но настроение у него оказалось бодрым. Он сразу обнял меня своей здоровой рукой и расцеловал, заодно расспросив о моих приключениях. Когда же я созналась, что под влиянием какой-то Лизы попросила не пускать к себе Ника, а теперь страдаю из-за этого, тот сказал мне:

– Сестра, ты – самая умная из всех в нашей семье, включая и меня, но ты иногда непроходимая дура. Поверила неизвестно кому. А Ник по тебе сохнет, я же вижу...

– Да знаю, знаю, – я готова была плакать от стыда. – Только вряд ли он узнал, что я его опять хочу видеть. Ведь теперь и доктор Лена исчезла, и вряд ли она успела ему об этом рас-

сказать...

– Ладно, не бери в голову. Если он появится, то меня известит точно. А сейчас меня будут колоть в задницу, так что лучше уж тебе при этом не присутствовать...

Я не стала ему говорить, что мне, как будущему врачу, как раз было бы полезно это лицезреть – все-таки он мой брат. Вместо этого я отправилась к Альфреду, благо Джимми сказал мне, где его найти. Его мне сразу стало жалко. Бледный, немного исхудавший, без руки и с гипсом на правом бедре... Но не успела я его поприветствовать, как он вдруг сказал:

– Мейбел, мне давно хотелось с вами поговорить... Мне кажется, что мы с вами – подходящие партии. Вы смогли бы стать хорошей матерью для моих детей. Если вы примете мое предложение, то я поговорю с Джимми. Он мне сказал еще тогда, на яхте, что даст согласие на наш брак, но только если и вы этого захотите.

Вот так вот. Ни тебе любви, ни романтики, а так, в лоб: «подходящие партии», «хорошая мать», да еще и для «его детей». Эх, если б не мой покойный кузен, я б подумала, что все англичане такие сухари. Но, решив не сжигать за собой мосты, ответила:

– Альфред, это так внезапно...

Тот сказал, что не собирается меня неволить, и понимает, что мне нужно время, чтобы принять решение. Но его вот-вот переведут в палату к Джимми, и тогда он с ним еще раз переговорит. Я ответила, что мне нужно бежать, сделала

книксен и ушла.

А сегодня, когда я сидела и занималась с Ларисой, в дверь вдруг постучали. Вошел мой милый Николас и с порога смущенно пробормотав:

– Мейбел, здравствуйте! Я ненадолго, собираю вещи и ухожу в дальний поход. Зашел к Джимми, а тот мне сказал, что вы не против моего визита. Альфред Черчилль теперь его сосед, но он был чем-то недоволен, особенно когда узнал, что я иду к вам... – тут он увидел Ларису и представился:

– Николай Домбровский, журналист.

И тут вдруг, неожиданно для себя, я встала на колени, опустила глаза и робко промолвила:

– Ник, простите меня за мою несусветную глупость! – и перешла на свой ломаный русский. – Я люблю вас...

Тот приподнял меня за плечи и обнял. Это, конечно, было неприлично, тем более при Ларисе, но мне было все равно. Потом уже он опустился на одно колено и выпалил:

– Я вас тоже люблю, с самого первого дня... Мейбел Эллисон Худ Катберт, будьте моей женой! Сразу после того, как я вернусь оттуда, куда меня посылают.

– А куда, милый? – краем глаза я увидела, как Лариса на цыпочках вышла из кубрика.

– На войну... Журналистом, не бойтесь. Ничего со мной не случится. Знаете, есть такая русская песня: «Дан приказ ему на запад...»

– Ник, я согласна! Я буду вас ждать...

Потом я ему рассказала о своих планах, и, как ни странно, он меня поддержал.

– Когда я вернусь, то я тоже буду с тобой заниматься... Как жаль, что это будет нескоро. Обручального кольца у меня, увы, нет, но я его обязательно достану! А пока вот, это кольцо – из моего университета, и мне оно очень дорого, – и он снял со своего пальца серебряное кольцо-печатку с гравировкой тигра и с аквамаринном, и осторожно надел мне его на палец. Конечно, оно мне было великовато, даже на среднем пальце, но более дорогого подарка я себе представить не могла.

Он меня еще раз обнял – несколько неуклюже, стараясь не задеть мою сломанную руку, и впервые поцеловал меня в губы, что мне очень понравилось. Потом он поцеловал мою здоровую руку, еще раз осторожно обнял меня и, помахав мне на прощанье рукой, вышел из кубрика. Я заревела, и тут вернулась Лариса.

– Что случилось, Мейбел? – спросила она.

– Ты знаешь, я, наверное, скоро стану Аллой Ивановной Домбровской...

– Поздравляю! – она крепко обняла меня. – А что тогда ревешь?

– Но только если его не убьют... – и я заревела еще громче.

Часть 2

А ПОЕЗД ВСЕ БЫСТРЕЕ МЧИТ НА ЮГ...

25 августа 1854 года. Франция. Кале Генри Джон Темпл, 3-й виконт Палмерстон, новоназначенный премьер-министр Англии

Я специально предложил этому молокососу Луи-Наполеону встретиться в Кале, городе, который был британским больше двух веков. Отсюда уходили в поход войска славного короля Генриха V и Черного Принца, чтобы громить шумные и пестрые рыцарские полки французских королей во время Столетней войны. Ведь недаром до 1800 года короли Британии носили среди прочих титулов и такой, как «король Франции», а правивших в Париже монархов они даже в международных договорах называли не иначе как «человек, именующий себя королем Франции».

Потом королей во Франции не стало, и после десятка лет революционной неразберихи к власти пришел император Наполеон. Да, тот Наполеон был куда умнее нынешнего. Потому-то он и был опасен, а этот...

Я посмотрел на стоящего напротив меня человека и вдруг вспомнил, какой он был молодой и жалкий, оказавшись в Британии после побега из тюрьмы в 1846 году. Именно я

пригрел беглеца, дал ему денег, а потом, после революции 1848 года, когда Франция снова стала республикой, подвигнул его вновь попытаться захватить трон, когда-то принадлежавший его дяде. И он не забыл – вижу по его глазам, – кто именно ему когда-то помогал. И пусть я сейчас не стою у руля внешней политики Соединенного королевства, но этот свежеиспеченный император знает, кто фактически руководит всеми иностранными делами, и кто сделал все, чтобы эта война началась. Тем более что как только парламент утвердит мою кандидатуру, я вновь стану премьер-министром королевства.

Да-да, именно я сделал все, чтобы объединить силы Европы против этого варвара – русского императора Николая. Ведь он и венский деспот князь Меттерних всегда были врагами Британии. Я давно мечтал взорвать «Священный союз» трех монархов, мешавший старой и доброй Англии подмять под себя всю Европу. Но Меттерних умер, а граф Буоль, сменивший его, – бесцветное и тупое ничтожество. С русским же императором надо было кончать, и как можно скорее. Для этого-то мне и понадобился свой ручной император, который, в отличие от его великого дяди, позер и бездарь.

Но он вполне устраивал меня тем, что люто ненавидел Россию и русских, и его страна обладала могучей сухопутной армией, в отличие от Британии, которая всегда была сильна своим флотом. Впрочем, как показали последние события, даже наш славный королевский флот не смог справиться с

этими проклятыми русскими. Разгром на Балтике смешал мне все карты. Надо было начинать все сначала. Для этого я и прибыл в Кале.

— Ваше величество, — произнес я, когда затянувшееся молчание стало совершенно неприличным, — нам надо обсудить случившееся на Балтике и принять решение о дальнейших наших совместных действиях.

— Да, милорд, — кивнул император, — Балтику мы потеряли. И вместе с ней были потеряны наши корабли и десантный корпус моего славного генерала графа Барагэ д'Илье. Тяжелая потеря. Но мы, милорд, проиграли сражение, но не проиграли войну. Франция намерена воевать и дальше с русскими варварами. Я намерен приложить все усилия, чтобы воспрепятствовать распространению их влияния и заставить русских вернуться в Азию, откуда они и пришли. Россия — не европейская держава, она не должна быть и не будет таковой, если Франция не забудет о той роли, которую ей надлежит играть в европейской истории... Стоит ослабить связи русских с Европой, и они сами начнут движение на Восток, чтобы вновь превратиться в азиатскую страну. Лишить их Финляндии, балтийских земель, Польши и Крыма не составит труда. Это станет грандиозным падением России, но она его сама вызвала...

Я кивком головы согласился с императором, но про себя подумал, что его слова «не составит труда» явно не соответствуют действительности. В прошлом году русские дважды

разбили турок на Кавказе, потом был Синоп. А в этом году – наше поражение на Балтике. Я молю Бога, чтобы за ним не последовало еще одно.

– Ваше величество, – осторожно спросил я, – может быть, стоит ускорить нашу высадку в Крыму? Ведь экспедиционный корпус уже три месяца сидит в Варне, ежедневно теряя десятки человек от заразных болезней. Если в самое ближайшее время они не тронутся с места, то он просто вымрет, так и не сделав ни одного выстрела по неприятелю.

– Да, милорд, – согласился со мной император, – вчера я отдал приказ маршалу Сент-Арно свернуть лагерь и начать погрузку на корабли. Надо высаживаться в Крыму. Наша цель – Севастополь. Я напому вам слова герцога Аргайла, сказанные в ноябре прошлого года, когда обсуждались планы нашей Крымской кампании. Тогда приводились три аргумента в пользу захвата Севастополя. Вот они: «Во-первых, это наилучшим образом обеспечит выполнение поставленной нами задачи освободить Турецкую империю от угрозы, которой она подвергается в настоящее время. Во-вторых, Севастополь расположен во владениях России, которые в наибольшей степени открыты для нападения с моря, и служит надежной морской базой, способной вести военные действия любой продолжительности. Наконец, в-третьих, Севастополь является таким местом на территории России, защита которого, с учетом размеров ее европейских владений, истощит как людские, так и материальные ресурсы страны».

– Ваше величество, я хочу сообщить вам, что лорд Реглан получит соответствующие указания от королевы и отправится в Крым вместе с храброй французской армией.

– Что ж, милорд, – император внимательно посмотрел на меня, – я надеюсь, что на Черном море у нас не возникнут те же проблемы, которые на Балтике привели к поражению объединенной эскадры адмирала Непира и нашего десантного корпуса.

– По нашим сведениям, – я решил немного успокоить императора, – те таинственные корабли, которые на Балтике стали главными виновниками нашего фиаско, находятся в русских портах и в ближайшее время не собираются оттуда уходить. Да и не так-то уж просто будет пройти через Датские проливы, Гибралтар и уж тем более Босфор и Дарданеллы. Можно быть уверенным – в Крыму не повторится то, что произошло на Балтике.

О том, что по внутренним водным путям в Черное море с Балтики готовится отправиться таинственный караван с оружием, я императору говорить не стал. Достаточно того, что я дал соответствующие указания людям, которые люто ненавидят Россию и готовы нанести ей максимальный ущерб. Если к тому же пообещать им за это хорошее вознаграждение, то они будут рваться в бой хоть с самим дьяволом.

Уяснив для себя главное – французский император готов продолжить войну, – я постарался побыстрее свернуть наш разговор и, сославшись на недостаток времени, откланялся.

У причала Кале меня уже ждала быстроходная паровая яхта, которая доставит меня в Дувр. Надо будет подготовить телеграмму на имя лорда Реглана и поручить людям, о которых знают только те, кому это положено, подготовиться к захвату таинственного русского каравана.

18 (30) августа 1854 года. Королевство Пруссия. Данциг
Капитан Александр Хулиович Сан-Хуан, командир каравана

Я смотрел на Длинный рынок, на прекрасные здания вокруг него, на фонтан Нептуна за моей спиной, на Мариенкирхе, и думал, что на всей Балтике есть только один город, который красивее Данцига – Санкт-Петербург.

В первый раз я побывал в Данциге – точнее, в Гданьске – с детской группой. К нам прикомандировали местную даму-экскурсовода, которая весьма неплохо говорила по-русски, и которая нам очень понравилась, чего не скажешь о большинстве обитателей города. Впрочем, практически никого из местного населения здесь не осталось – всех немцев поляки выселили после войны, причем многие из них погибли по дороге в Германию. Кто-то умер от голода, кто-то не выдержал длительного похода, а многих убили новоприбывшие поляки... Вместо них сюда переселили – вполне цивилизованно – поляков из Виленского края, и даже уличные художники торговали не только картинами с видами Гданьска, но и с изображениями Острой Браны в Вильнюсе.

После этого я пару раз успел посетить этот прекрасный город во время визитов вежливости в порт Гдыня, которые

позже прекратились по инициативе наших польских «заклятых друзей». И каждый раз у меня не проходило чувство, что я нахожусь в некой сказке, столь новыми выглядели все здания вокруг. Но достаточно было выйти из восстановленной части Старого города, чтобы попасть из прекрасного далека в мрачную реальность современной Польши, с ее панельными, жуткого вида домами, или в районы еще немецкой застройки, с полустертыми надписями типа «Apotheke» (аптека) или «Kolonialwaren» (колонияльные товары) на домах, которые, судя по всему, не ремонтировались еще со времен Вольного города Данцига.

Сейчас же город был не менее прекрасен, чем в польском будущем. Но он был именно живым организмом, чуть почерневшим от копоти. Ведь топили тогда каменным углем, как, впрочем, топят и до сих пор во многих уголках современной Польши. А единственный язык, который звучал вокруг нас, был диалектом немецкого, разве что иногда люди, в которых можно было сразу узнать сельских жителей, разговаривали между собой на кашубском – языке славянского меньшинства в деревнях Восточной Померании, похожем на польский немногим больше, чем чешский на русский. Но я сюда прибыл не для изучения местных диалектов.

Мы пришли сюда на «Славяночке» – так мы переименовали бывший французский колесный пароход «La Belle Bretonne» – «Прекрасная бретонка», доставшийся русскому флоту в числе прочих трофеев. Корабль прикомандировали

к нам, с командой из хроноаборигенов, одобренных нашими курсантами.

Первоначально хотели послать «Денис Давыдов», но решили, что не стоит рисковать им на Висле, даже если ее глубина в данный момент несколько превышает его осадку. А у «Славяночки» осадка не более полутора метров, так что у нее проблем быть не должно. Да и незачем показывать немцам нашу новую технику, достаточно «Раптора», который, накрытый старым парусом, пойдет у нас на буксире.

Но максимальная скорость у «Славяночки» – где-то восемь узлов, так что шли мы в Данциг из Свеаборга больше двух суток. Часть пути нас сопровождал «Выборг». Причина проста – один французский пароход из красногорской группировки исчез в Финском заливе, и где он сейчас, не знает никто. И хоть он того же класса, что и «Славяночка», но встреча с ним не входила в наши планы. И только когда мы увидели вдали полосу берега, «Выборг» попрощался с нами, подняв флажной сигнал «Счастливого пути», и остался караулить побережье – мало ли что может случиться.

По дороге я успел сдружиться с ребятами из спецслужб, Павлом Филипповым и Константином Самохваловым. Костя остался на борту «Славяночки», а Паша прогуливался по Длинному рынку и глазел на здания. Типичный турист, каких в Данциге не так уж мало. Но я не сомневался, что будь хоть малейший намек на опасность, то я уже узнал бы об этом от него.

По моему приказу в городе наши ребята могли ходить только группами – дипломатические дразги нам ни к чему. Хотя Данциг в данный момент к Польше никакого отношения не имеет, вполне вероятно, что польская агентура тут присутствует. Когда в XVIII веке Польшу разделили, то Пруссии достались обширные земли Западной Польши – та же Познань. Естественно, что, как и в России, многие из тамошних поляков переехали в собственно прусские земли – например, в Данциг. Ну, а береженого и Бог бережет, хотя наши прусские друзья из кожи вон лезут, чтобы предотвратить возможные инциденты.

А Пашино присутствие мне нужно для того, чтобы таких ситуаций не возникало даже в принципе. Тем более что на него есть еще кое-какие планы.

Мне пришлось взять с собой в нагрузку этого пиндоса – Николаса Домбровского. Тоже мне русский – почти всю жизнь провел в логове врага. И в армии не служил, даже в американской. А еще и журналюга – насмотрелся я на этих представителей второй древнейшей профессии.

Есть, конечно, исключения – тот же Юрий Иванович Черников или Маша Широкина. Но сколько их, этих самых исключений? Зуб даю – находившийся рядом «подарочек» при первом же шухере хорошо если просто сбежит, а то еще и под ногами мешаться будет – помните капитана Аникушина из комендатуры из богомоловского «Августа сорок четвертого»? Но что поделаешь, пришлось его взять – капраз Коль-

цов приказал, а приказы, как известно, не обсуждаются.

Теперь, видите ли, он хочет запечатлеть для потомков первую встречу с Бисмарком. Сейчас вон в двух шагах крутится, снимает виды Гданьска – пришпандорил мини-фотокамеру размером 25 на 25 миллиметров на трость в виде набалдашника, чтобы внимания не привлекать. Хорошая штучка, видел я ее как-то, хотя аккумулятор у нее быстро сдыхает.

Машу увел с собой Николай Шеншин, отправившийся с визитом вежливости к бургомистру. Эх, не девушка, а загляденье – красива, умна, и, в отличие от меня, успела побывать в «горячих точках»... Один минус – замужем, пусть и в будущем. А замужних меня родители приучили не трогать, от слова вообще.

Был случай, когда у меня заночевала одна прелестница, с коей я познакомился в каком-то клубе. Она вышла из дома первой, а я минут через пятнадцать. И представьте себе – какой-то шибздик в очках неожиданно встает передо мной на цыпочки и бьет мне в морду. Я от удивления даже сдачи не дал, пялюсь на него – мол, за что? Тот мне: а вот не будешь с чужими женами спать. Я обалдел и говорю – так я не знал, что эта дура замужем, кольца на ней не было... А он мне – она сказала, что будет у подруги, иду на работу – а тут она выступает, будто пава. Решил посмотреть, от кого идет, ведь ее подруга живет совсем в другом конце города. И когда ты вышел с помадой на щеке того самого редкого цвета, кото-

рый я ей недавно привез из Польши, то я сразу понял, что кувыркалась она с тобой.

Короче, помаду я стер, а Леха – так звали незадачливого мужа – разошелся с этой... ну как там ее... не помню уже. Кстати, Леха себе другую потом нашел. А я у него на свадьбе шафером был – сдружились мы крепко после того случая, и до сих пор дружим... Блин, дружили – он же в будущем остался! В том самом, где остался и Машин муж. Но как бы то ни было – для меня она замужем, и точка. Осталось только сожалеть о том, что могло бы быть...

И вдруг поток моих мыслей прервался – ко мне направился молодой человек в прусской военной форме. Краем глазом я увидел, как Паша вдруг оказался у него за спиной. Подойдя ко мне, пруссак козырнул и спросил:

– Капитан Сан-Хуан?

– Он самый, – улыбнулся я, возвращая ему приветствие. – А вы...

– Капитан Макс Кевич, к вашим услугам. Мой отец в юности носил фамилию Короткевич, но потом проиграл первую ее половину в карты, поэтому у меня остался лишь обрубок фамилии. А по-русски я худо-бедно говорю, потому что отец отказывался общаться со мной на других языках.

– Рад с вами познакомиться, капитан, – сказал я. Меня уже предупредили о встрече с этим человеком. – Вы, как я слышал, из Цоппота? – добавил я условную фразу.

– Нет, из колыбели Пруссии – из Кёнигсберга! – ответил

он именно так, как и было оговорено.

— Тогда познакомьтесь, — и я показал на Пашу. — Это старший лейтенант Павел Филиппов. С ним вы поедете в Торн. А это... — я сделал неопределенный жест в сторону моей пиндосской обузы, — Домбровский, журналист, он тоже с нами.

Кевич вежливо раскланялся с моими спутниками, после чего опять повернулся ко мне:

— Давайте пройдем в ратушу, там вас ожидает герр фон Бисмарк.

Бисмарк оказался светловолосым человеком лет сорока (правда, волос на голове у него осталось немного), с бородой и усами, и пронзительным цепким взглядом. После того, как меня, Пашу и пиндоса представили ему, я перешел на немецкий:

— Весьма польщен знакомством с таким человеком, как вы, герр посол. Много о вас наслышан.

Тот громко рассмеялся.

— Вы, наверное, про то, как я вызвал на дуэль этого несносного австрийца фон Прокеша? Так ведь ничего не произошло — этот мозгляк струсил и отказался драться.

— Ну, и про это тоже.

— Герр капитан, меня попросили оказать максимальное содействие в вашем походе в Торн. С лоцманами я уже договорился, они придут завтра на рассвете прямо в порт. Я тоже буду сопровождать вас до Торна. А капитан Кевич поедет туда с вашими людьми завтра утром, чтобы заранее подгото-

вить тамошних чиновников к вашему приходу.

– Яволь, герр посол.

Бисмарк усмехнулся и добавил:

– И не бойтесь моего присутствия, герр капитан, я не шпион, я дипломат. Хотя, конечно, многие не могут найти разницу между двумя этими профессиями. Но одной из причин, почему я следую с вами, является то – мне придется открыть вам секрет Полишинеля – что после нашего совместного во-
яжа я отправлюсь в вашу столицу в качестве посла. Поэтому мне важно будет пообщаться с флигель-адъютантом Шеншиным. А еще у всех на слуху некая «эскадра», которая так неожиданно смешала карты в балтийской, да и европейской политике. А вы, герр капитан, как мне кажется, являетесь представителем этой самой таинственной силы.

Увидев мою улыбку, он продолжил:

– Так что, как вы понимаете, общение с вами сможет помочь мне сориентироваться в расстановке фигур, которая ожидает меня в Петербурге. А вам ничуть не помешает присутствие человека моего статуса; ни один чиновник не посмеет ставить вам палки в колеса. Кстати, о чиновниках – вам не понадобится еще какая-либо помощь?

– Да нет, герр посол, пока нужды в ней нет.

– Тогда, если вы не против, не заглянуть ли нам в «Ратскеллер» – там варят неплохое пиво?

20 августа (1 сентября) 1854 года. Петербург. Гвардейский экипаж Капитан 1-го ранга Кольцов Дмитрий Никола-

евич

Передо мной лежала карта так называемого Березинского водного пути, и я, морща лоб, пытался в ней разобраться. Ведь именно по этому маршруту предстояло пройти второму каравану, который должен доставить в Севастополь бронетехнику, оружие и другое необходимое для разгрома союзников имущество и снаряжение.

Что мы имеем в наличии? Читаю подготовленную для меня справку.

«Березинская водная система – искусственный водный путь, соединяющий бассейн Днепра с рекой Западная Двина. Протяженность этого пути – 162,1 км. На нем имеется 14 шлюзов и полушлюзов и 4 бейшлота (плотин с подъемными щитами для спуска воды). Путь из Днепра в Западную Двину шел по реке Березина от местечка Броды, по Сергучевскому каналу (3 шлюза; протяженность 8,7 км), реке Сергуч, озеру Манец-Плавно (соединены каналом длиной 4 км), Березинскому каналу (4 шлюза; протяженность – 7,6 км), озеру Вереща, реке Берсца, Вербскому каналу (2 шлюза; протяженность – 2,6 км), реке Эсса, Первому Лепельскому каналу (2 шлюза; протяженность – 8 км), Лепельскому озеру, Второму Лепельскому каналу (1 шлюз; протяженность – 0,2 км), реке Улла, Чашицкому каналу (2 шлюза; протяженность – 1,2 км), вновь реке Улла, и по реке Западная Двина.

Я сличил каждый из этих сегментов с полученной мною

недавно картой – как ни странно, совпадение полное. Разве что нам предстояло пройти этот путь в обратном направлении – от Риги до впадения Березины в Днепр.

Каковы же плюсы и минусы этого водного пути? Плюсы – наши корабли и баржи пойдут по территории, на которой маловероятно нападение отрядов мятежных шляхтичей. К тому же наш отвлекающий караван как магнитом притянет к себе все шайки поляков, и на нас у них просто не останется сил. Конечно, ребятам капитана Сан-Хуана придется нелегко, но кому-то же надо принять на себя основной удар.

Далее, глубины этого канала, если верить документам, предоставленным нам императором, были на всех участках не менее десяти футов, то есть около трех метров. Можно даже допустить, что кое-где глубина не соответствует заявленной процентов на десять. Но все равно, для МДК «Денис Давыдов» с его осадкой 2,2 метра более чем достаточно. Ширина МДК – 8,6 метра – также вполне позволяла ему пройти по каналу, ширина которого была по дну от пяти до восьми саженей – то есть от десяти с половиной до семнадцати метров. Узковато будет в некоторых местах, но все же десантный катер провести можно.

На нем мы перебросим в Крым четыре бронеединицы – два БТРа и две «Ноны-С», а на баржах еще две «Ноны» и кое-какое имущество. Кстати, в закромах «Королева» нашлась одна любопытная вещь – автомобиль «Тигр» с комплексом «Корнет-ЭМ» – наших ПТРК «Корнет» в экспорт-

ном исполнении. Машина может отстрелять восемь «Корнетов» (всего у него в боекомплекте 16 ракет). Этакая мобильная батарея.

К сожалению, из-за немалых габаритов нам не удастся пропихнуть по водному пути «Выборг» — для него каналы Березинской системы «жмут в плечах». Ну, да ладно — того, что мы отправим на помощь Севастополю, должно хватить для того, чтобы к англичанам и французам с примкнувшими к ним турками пришел большой пушной зверек.

В планах была отправка очередного каравана еще одним путем — от Твери по Волге до Царицына, а там, по водоразделу между Волгой и Доном, перебросить все грузы на берег Дона. А оттуда лежит прямая дорога в Азовское море. Но это потом, а пока займемся караваном, идущим по Березинскому водному пути.

Теперь минусы. Первый из них — четырнадцать шлюзов. Это многовато, а перед началом пути надо еще будет расчистить канал от возможных помех и заторов и взять под охрану. Особенно ни к чему нам плоты, которые там гоняют в это время. Зная, как лениво работает российская администрация на местах, потребуется энергичный человек с полномочиями от самого императора, который мог бы нагнать страха на губернаторов и городничих, заставив их врубить третью скорость и навести порядок на подведомственной территории.

Флигель-адъютант и личный представитель императора

Николай Шеншин уже отбыл в Крым на первом караване, что немаловажно в свете грядущих перестановок в военной и гражданской администрации в Таврии и Новороссии. Он, конечно, подошел бы как нельзя лучше для этой роли.

И тут я вдруг вспомнил, о чем мне вчера вскользь поведал император. Бывший министр внутренних дел Империи, а ныне военный губернатор Петербурга, граф Александр Григорьевич Строганов, с коим я уже успел познакомиться, попросился к нему на прием, где сказал примерно следующее: «Ваше величество, Петербург более не в опасности, поэтому необходимости в военном губернаторе более нет. А вот на Черном море неприятель попробует взять реванш. Не будет ли вашему величеству угодно направить меня в Таврию либо в Новороссию?»

Я кое-что читал о нем. Александр Григорьевич по образованию – военный инженер, да еще и генерал-адъютант, то есть особа, приближенная к императору, – с ним шутки плохи, и ему лапшу на уши не навесишь. Единственное, что меня смущает – это то, что он будет у нас «почетным гостем», без права кем-либо из нас командовать, и это ему определено будет в тягость. Но у него репутация человека, который строго следует приказам, и если император разъяснит ему «политику партии и правительства», то проблем быть не должно.

С караваном в Крым отправится и наш медицинский отряд. Возглавит его основоположник военно-полевой хирур-

гии Николай Иванович Пирогов. В закромах контейнеровоза «Надежда» мы обнаружили мобильный госпиталь, состоящий из пневмокаркасных модулей. В состав госпиталя входят: административный блок, жилой комплекс (для размещения персонала и палат пациентов), приемно-сортировочный блок, диагностический модуль, медицинские модули (предоперационный, операционные модули, реанимационные, перевязочные и прочие), хозблоки (кухня, столовая, бытовки), санитарно-гигиенические модули (душевые комплексы, туалеты), а также энергоблок с дизельными генераторами. Все это богатство можно было перевезти в разобранном виде и развернуть на месте.

К мобильному госпиталю имелось соответствующее медоборудование. Возьмем мы с собой и солидный запас лекарств. Работать в госпитале будут как Николай Иванович со своими коллегами, так и наши курсанты из Военно-медицинской академии, которые по своим знаниям кое в чем превосходят местных врачей, уступая им разве что в опыте.

Я прикинул, сколько нам понадобится плавсредств, чтобы погрузить все на баржи и плоты. Для прохода по каналам Березинской водной системы нужны будут также колесные пароходы-буксиры. В наиболее узких местах придется протаскивать наши корабли по старинке – с помощью конской тяги и бурлаков. Чтобы не мучить наших пассажиров, можно будет отправить большую их часть по сухопутью к месту впадения Березины в Днепр. Там они погрузятся на корабли

и с относительным комфортом проследуют вниз по Днепру.

Набросав на листке бумаги основные пункты своего плана, я поспешил в Зимний дворец, чтобы обсудить их с императором и получить у него добро, а также договориться, поелику возможно, насчет графа Строганова.

20 августа (1 сентября) 1854 года. Петербург. Зимний дворец Подполковник ГРУ Березин Андрей Борисович

Вчера вечером мне передали записку от императора Николая I. В ней царь изъявил желание встретиться со мной для «весьма важного разговора». Чем могла заинтересовать самодержца моя скромная персона, я не знал и предположил, что в преддверии важных событий в Крыму он хотел бы посоветоваться со мной о возможных вариантах развития событий.

Прибыв в указанное время в Зимний дворец, я был провожден молчаливым лакеем в так называемый «нижний» кабинет царя, который одновременно служил ему и спальней. Это небольшая узкая комната с выбеленным потолком и стенами, оклеенными темными обоями. Здесь же стояла складная походная кровать императора, на которой в нашей истории он умер от пневмонии. Надеюсь, что в этой истории ничего подобного не случится, и Николай Павлович проживет еще как минимум лет десять-пятнадцать.

Сегодня император выглядел бодро, хотя его слегка покрасневшие глаза говорили о том, что он опять сегодня не спал. Надо будет намекнуть нашим медикам, чтобы они про-

вели беседу с Николаем Павловичем о здоровом образе жизни. Только, боюсь, это вряд ли поможет – царь не жалеет себя.

Николай поздоровался со мной и пригласил присесть к письменному столу, а сам начал медленно прохаживаться по кабинету, видимо, раздумывая, с чего начать разговор. Пригласил он меня, как оказалось, совсем не для того, чтобы побеседовать о том, как русские войска в Крыму собираются отразить высадку англо-французского десанта. Император решил обсудить со мной некоторые внешнеполитические аспекты.

– Господин подполковник, – начал он, – я знаю, что в том ведомстве, в котором вы служили, изучали, среди всего прочего, и политическую обстановку в странах, которые могут быть соперниками России. Я понимаю, что все происходящее сейчас в нашем мире – «дела давно минувших дней». Но с другой стороны, вам известно то, что неизвестно нам. Нам сообщили, что в Австрии сменили министра иностранных дел. Теперь венской дипломатией руководит граф Иоганн Бернгард фон Рехберг унд Ротенлёвен. В ближайшее время он прибудет в Петербург в качестве личного посланника императора Франца-Иосифа, – при последних словах Николай поморщился и выразительно посмотрел на перевернутый лицом к стене портрет того самого Франца-Иосифа, на котором его рукой было написано: «DU UNDANKBARER» (неблагодарный).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.